ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

5.4

ЖУРНАЛ

International Sociological Association

4 выпуска в год на 16 языках

Сила общественных беспорядков

Франсис Фокс Пивен

Магнетизм Исламского государства

Франсуа Бюрга

Социология и антропология

Ян Бреман

Австрийская публичная социология

Рудольф Рихтер

Переходный период на Кубе

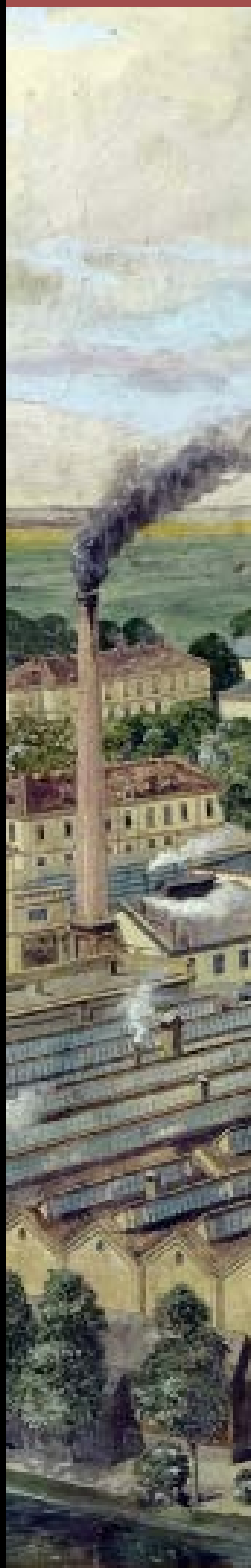
> США и Куба
> О расизме и революции
> Кубинские уборщики в эпоху перемен

Социология на Тайване

> Движение подсолнухов
> Рабочее и экологическое движения
> Сжатое родительство
> Начало конца Тайваня
> Развитие тайваньской социологии
> Социология на углу улицы

Некролог

> Юрген Хартманн,1944-2015



ТОМ 5 / ВЫПУСК 4 / ДЕКАБРЬ 2015
http://isa-global-dialogue.net

ГА

> От редактора

О междисциплинарности и дисциплинах

Наш номер открывают два интервью. Первое - с Франсис Фокс Пивен, которая входит в плеяду самых выдающихся ученых за всю историю американской социологии. Ее интерес к проблематике социальных прав, электорального поведения и, с недавнего времени, движению Оккупай, выражен в оригинальном подходе к изучению общественных движений, в центре которого сила открытого протеста или мятежа. В течение своей многолетней карьеры она бесстрашно вступает в дебаты с такими авторами, как Милтон Фридман, и отражает нападки со стороны консервативных экспертов. Второе интервью мы провели с французским экспертом по Ближнему Востоку, Франсуа Бюрга, который объяснил нам, в чем заключается магнетизм Исламского государства в глазах европейских мусульман, подвергающихся расистскому исключению на своей родине. Затем следует статья Яна Бремана, известного голландского социолога, специалиста по неформальной экономике, который в этом номере распутывает клубок отношений антропологии и социологии. Все три социальных ученых в первую очередь социологи, но при обсуждении общественных проблем они основывают свои аргументы на исследованиях из области политической науки, антропологии и истории, тем самым демонстрируя иллюзорность дисциплинарных границ.

То же самое относится и к авторам, написавшим статьи в нашу спецрубрику, посвященную Кубе. Луис Румбаут и Рубен Румбаут рассуждают об историческом соглашении между Кубой и США, обращая внимание читателя на кумулятивные геополитические и экономические трудности, которые в итоге вылились в неизбежное сближение. Луиза Штойр тем временем обсуждает значение этого соглашения для прекарных низкооплачиваемых работников - дворника и уборщицы. Осведомленная об истории советского транзита к рыночной экономике, она видит, как похожие перемены на Кубе могут усугубить неравенство, которое ранее не выходило из-под контроля. Затем Луиза проводит интервью с афро-кубинским активистом Норберто Карбонеллем, верным партии, но открыто осуждающим расизм на Кубе. Публикация такого интервью не была бы возможна даже год назад!

Но для междисциплинарности нужны дисциплины, и социология развивается в национальных границах, как бы на нее ни действовали процессы глобализации. Это отчетливо видно в шести статьях, которые мы получили из Тайваня. Этот маленький остров, подвешенный между США и Китаем, может похвастаться историей турбулентных общественных движений и породил одну из самых ярких социологических традиций в Азии. Нация, чувствительная к геополитике, пережившая период колониального подчинения, стала родиной новых подходов к глобальной социологии. Более того, многие наши авторы с острова принимали участие в демократическом движении 90х и, таким образом, выработали особый взгляд на общественные движения. Как показывают наши статьи, недавнее “Движение подсолнечников” привлекло внимание всей страны к критическим аналитическим возможностям социологии.

Рассказ Рудольфа Рихтера об истории австрийской социологии тоже посвящен публичной социологии. Его заметка - первая из серии статей, публикуемых в “Глобальном диалоге” с целью ознакомления членов МСА с Третьим социологическим форумом, который пройдет в Вене с 10 по 14 июля 2016 года. Местный оргкомитет активно готовится к проведению этого события, о чем можно прочитать в блоге по адресу http://isaforum2016.univie.ac.at/blog/

> *Глобальный диалог* доступен на 16 языках на сайте МСА
> Присылайте статьи на адрес burawoy@berkeley.edu

Франсис Фокс Пивен, *выдающийся американский социолог, представляет свою теорию социальных движений в интервью, проведённом Лоррейн Миннит.*

Франсуа Бюрга, *исследователь Ближнего Востока, объясняет магнетизм Исламского государства в интервью, проведённом Сари Ханафи.*

Ян Бреман, *знаменитый голландский социолог, размышляет о странных отношениях между социологией и антропологией.*

Рудольф Рихтер, *председатель Локального оргкомитета Социологического форума МСА, который состоится в 2016 году, рассказывает об австрийском наследии в публичной социологии.*

ГД

«Глобальный диалог» стал возможен благодаря щедрому гранту **SAGE Publications.**

> Редакционный совет

Главный редактор: Майкл Буравой.

Помощник редактора: Гэй Сидман.

Исполнительные редакторы: Лола Бусуттил, Август Бага.

Редакторы-консультанты:
Маргарет Абрахам, Маркус Шульц, Сари Ханафи, Винита Синха, Бенхамин Техерина, Розмари Барбарет, Изабела Барлинска, Дилек Чиндоглу, Филомин Гутьеррес, Джон Холмвуд, Гильермина Джассо, Калпана Каннабиран, Марина Куркчиян, Саймон Мападименг, Абдул-мумин Саад, Айзе Сактанбер, Сели Скалон, Савако Сирахасэ, Грацина Скапска, Эвангелия Тастсоглоу, Чин-Чун И, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы

Арабский мир:
Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:
Густаво Танигути, Андреса Гальи, Анжело Мартинс Младший, Лукас Амараль, Рафаэль де Суса, Бенно Альвес, Хулио Давьес.

Колумбия:
Мария Хосе Альварес Ривадулья, Себастьян Вильямисар Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:
Ишвар Моди, Рашми Джайн, Праджья Шарма, Джьоти Сидана, Нидхи Бансал, Панкадж Бхатнагар.

Индонезия:
Каманто Сунарто, Хари Нугрохо, Лусия Ратих Кусумадеви, Фина Итрияти, Индера Ратна Иравати Паттинасарани, Бенедиктус Хари Джулиаван, Мохамад Шохибуддин, Вомингтус Эльчид Ли, Антониус Арио Сето Харджана.

Иран:
Рейханех Джавади, Абдолкарим Бастани, Ниайеш Долати, Мохсен Раджаби, Вахид Ленджанзаде.

Япония:
Сатоми Ямамото, Фума Сэкигути, Синса Камэо, Канако Матакэ, Кахо Мияхара, Юки Накано, Ютаро Симокава, Сакийе Ёсиока.

Казахстан:
Айгуль Забирова, Баян Смагамбет, Дауренбек Кулейменов, Гани Мади, Алмаш Тлеспаева.

Польша:
Якуб Барщевски, Мариуш Финкельштейн, Вероника Гаврска, Кшиштоф Губаньски, Кинга Якела, Юстына Косьциньска, Мартына Мацюх, Миколай Мержеевский, Каролина Миколаевска-Заёнц, Адам Мюллер, Патрыцья Пендраковска, Зофья Пенза, Тереса Тележиньска, Анна Вандзель, Юстына Зелиньска, Яцек Цых.

Румыния:
Косима Ругиниш, Корина Брэгару, Костинел Ануца, Телегди Балаш, Адриана Бондор, Роксана Брату, Рамона Кантараджу, Александра Чокэнел, Александру Дуцу, Руксандра Йордаке, Михай-Богдан Марьян, Рамона Маринаке, Анка Михай, Раду Нэфорницэ, Оана-Элена Негря, Диана Тихан, Элисабета Тома, Элена Тудор, Кармен Войня.

Россия:
Елена Здравомыслова, Любовь Чернышова, Анастасия Головнева, Анна Кадникова, Ася Воронкова.

Тайвань:
Чжин-Мао Хо.

Турция:
Гюль Чорбаджоглу, Ирмак Эврен.

Медиаконсультант: Густаво Танигути.

Консультант редактора: Ана Виллареаль.

> В номере

От редактора: О междисциплинарности и дисциплинах **2**

Сила общественных беспорядков: интервью с Франсис Фокс Пивен
Лоррейн Миннит, США **5**

Магнетизм Исламского государства: интервью с Франсуа Бюрга
Сари Ханафи, Ливан **7**

Странная история социологии и антропологии
Ян Бреман, Нидерланды **10**

Австрийское наследие в публичной социологии
Рудольф Рихтер, Австрия **13**

> ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД НА КУБЕ

США и Куба: мириться непросто!
Луис Румбаут и Рубен Румбаут, США **15**

О расизме и революции: интервью с Норберто Месой Карбонеллем
Луиза Стеур, Дания **18**

Новости из Гаваны сбивают... с ног
Луиза Стеур, Дания **21**

> СОЦИОЛОГИЯ НА ТАЙВАНЕ

Движение подсолнухов и боевая готовность тайваньской социологии
Мин-Шо Хо, Тайвань **23**

Какое движение сильнее? Рабочее или экологическое?
Хуа-Чжэн Лю, Тайвань **25**

Сжатое родительство в Тайване
Пэй-Ча Лань, Тайвань **28**

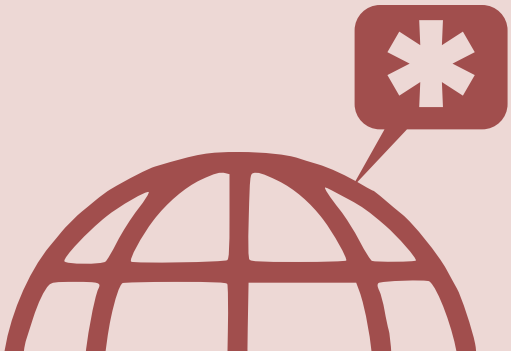
Начало конца: Тайвань в XXI веке
Тун-Хун Линь, Тайвань **30**

О тайваньской социологии в общем и в частности
Мау-Куэй Чанг, Тайвань **32**

Социология на углу улицы
Хун-Цзэн Ван, Тайвань **34**

> НЕКРОЛОГ

Юрген Хартманн, 1944-2015: социолог-интернационалист
Людмила Нёрс, Великобритания, Сильвия Трнка, Австрия **36**



> Сила общественных беспорядков

Интервью с Франсис Фокс Пивен

Франсис Фокс Пивен — признанный на международном уровне социальный ученый и любимый многими педагог. Она придерживается радикально демократических взглядов и способна вдохновить людей на коллективные действия. В ее профессиональной и общественной карьере центральное место всегда занимала защита бедных. Ее первая книга, "Регулирование бедности: функции социального обеспечения" (*Regulating the Poor: The Functions of Social Welfare*, написанная ей в 1971 году в соавторстве с Ричардом Клоуардом, вызвала оживленные дебаты в научном сообществе, под влиянием которых сфера социальной политики претерпела значительные изменения. Последующие работы были посвящены анализу условий, при которых протесты бедных оказывают влияние на самые основы современной американской системы социального обеспечения (*Poor People's Movements*, 1977; *Challenging Authority*, 2006). Франсис Фокс Пивен всегда сочетала академические исследования с политическим участием: она сыграла одну из ключевых ролей в организации таких движений как кампания за право на социальное обеспечение, выступала в качестве одного из лидеров кампании за регистрацию участников голосования, а также публично заявляла о своей поддержке движения Оккупай. Ничто и никогда не могло помешать ей открыто высказывать свою позицию в масс медиа. Она всегда вступала в открытое противоборство со своими оппонентами, подчас такими известными фигурами как либеральный экономист Милтон Фридман, дебаты с которым прошли на телевидении. Исследовательница и активистка, она является лауреатом множества премий и наград. В 2007 году она была избрана Президентом Американской социологической ассоциации. В интервью с нами Пивен рассказала об основной теме своей научной работы - теории "взаимозависимой власти". Лоррейн Миннит, политолог из Университета Ратгерс, беседовала с Пивен в Миллертоне, штат Нью-Йорк, 30 мая 2015 года.

ЛМ: Мне хотелось бы задать Вам вопрос о протестах и массовых возмущениях, ведь эта тема неоднократно встречается в вашей работе, в том числе в первой опубликованной Вами статье "Люди с низким доходом в политическом процессе", а также в известной публикации "Вес бедных", написанной в соавторстве с Ричардом Клоуардом в 1966 году. Мы много слышим о разрушительных действиях протестующих. Предприниматели в сфере высоких технологий как один повторяют мантру "возмущений" в других отраслях промышленности "ради забавы" и выгоды. Аналитики общественных движений все чаще используют этот термин. Так как Вы в течение длительного времени занимаетесь именно этой темой, не могли бы Вы рассказать нам, что подразумевается под "возмущением" – disruption – в социальной теории?

ФП: Хотя понятие применяется все чаще, мне не кажется, что используют его с необходимой долей аккуратности. В сфере технологий под "возмущениями" подразумеваются технологии, способные взбудоражить рынок. Исследователи коллективных действий обозначают им шумные, беспорядочные коллективные действия, зачастую сопровождающиеся вспышками насилия. Но шум и беспорядок - далеко не достаточные факторы для объяснения того, почему иногда возмущение наделяет людей из низов некоторой долей власти.

Франсис Фокс Пивен.

>>

Вы упомянули некоторые из моих ранних работ, написанные как раз тогда, когда по США прокатилась волна афроамериканских протестов (в Нью-Йорке же протестовали пуэрториканцы). Протесты эти действительно отличались шумной беспорядочностью. Я задумалась над вопросом, почему это происходит. К началу 60х гг. большие массы людей мигрировали в центральные города Америки из сельской местности Южных Штатов и Пуэрто-Рико. Вне всякого сомнения, они лелеяли надежду на лучшую жизнь. Совершенно верно и то, что они были отчаянно бедны. И вот перед ними рынок труда, который не может предложить им приличную работу, и вот муниципальные власти, которые отказывают им в оказании каких-либо услуг. Итак, бедные собираются вместе, выходят на демонстрацию, кричат, закидывают мусором зелененький газон перед зданием городской администрации. В ответ на это множество белых либералов, зачастую профессионалов в сфере соцобеспечения, говорят: "Ребята, мы согласны с вашими целями, но не с вашими методами. Все так, у вас должна быть работа, вам необходим источник дохода, вы не можете прожить без медицинских услуг, в ваших квартирах необходимо отопление и горячая вода. Но такой шум, такой беспорядок - вовсе не способ решить проблему. Вам следовало бы взять себя в руки, проголосовать, подписать петицию и передать ее вашему депутату". Иными словами, белые либералы посоветовали недовольным следовать стандартной процедуре нормативной демократической политики.

Я много думала об этом. И я пришла к выводу, что люди делали то, что делали, потому что советы, которые им давали сочувствующие либералы, в сущности, были никчемными. Многие из них уже пробовали воспользоваться стандартной процедурой возмещения ущерба и получения компенсаций. Они уже пытались оказать влияние на муниципальные власти. Они подавали заявления на социальное пособие, старались выбить из властей хоть какую-то поддержку, но все впустую - их запросы игнорировались из раза в раз.

Я поняла, что недовольные переходили к подрывным тактикам, потому что именно такие тактики, как им казалось, в их случае являются эффективными. Это была моя первая догадка, объясняющая, почему люди с низкими доходами иногда поступали именно таким образом. На самом деле по большей части бедные просто тихо терпели все лишения. Но когда они объединялись в политическую силу и выступали на политическую арену, они нередко становились источниками возмущений или беспорядков.

Со временем, работая вместе с Ричардом Клоуардом, я разработала, как мне кажется, более аналитическое и обоснованное понимание общественных возмущений или беспорядков, как их принято называть. Чтобы лучше понять то, о чем я собираюсь рассказать, вам следует немного отвлечься от конкретных действий людей, о которых мы сейчас говорим, и задать себе вопрос: Какую роль играют бедные в сложных схемах отношений взаимозависимости и переплетениях кооперативных связей, на которых построено наше общество? Иными словами, какую роль они играют в разделении труда?

ЛМ: Дюркгеймианская идея?

ФП: Да, Дюркгейм, несомненно, оказал здесь влияние.

Каковы последствия того, что люди отказываются от своих ролей и начинают заниматься подрывной деятельностью? Быть может, беспорядки – это не только следствие отчаяния, но и источник власти.

Итак, изложу свой тезис. Часто говорят, что бедные исключены. Это не совсем так. Обычно они как раз очень даже включены, но включены для того, чтобы эксплуатироваться и подавляться. Они играют важные роли: уборщики, няни, сиделки, домработницы, работники общепита и торговли, мусорщики и посудомойки. В течение последних десятилетий эти профессии становились все более прекарными в результате распространения неполного рабочего дня и контрактной занятости, что к тому же происходит на фоне снижения заработной платы.

Но действительно ли эти работники безвластны? Подумайте о работниках сферы домашнего труда в таких мегаполисах как Нью-Йорк, Лондон, Сан-Франциско или Бостон. Они заботятся о детях, убирают квартиры, они готовят ужин, то есть выполняют те обязанности, которыми при их отсутствии пришлось бы заниматься более образованным и благополучным женщинам-менеджерам и профессионалам ценой отказа от полноценной занятости. Если домработницы и сиделки вдруг не выйдут на работу, последствия скажутся на целых гильдиях юристов, экономистов, бухгалтеров и менеджеров, на плечах которых стоит экономика, все более зависимая от финансовой сферы.

Иными словами, домашние работники располагают определенной долей власти, потому что если они не выйдут на работу, их работодатели будут вынуждены остаться дома и не появятся в офисе. Саботаж обслуживающего персонала - камень преткновения современной экономики. Вот о какой подрывной деятельности говорю я - об отказе сотрудничать в сложной системе взаимозависимостей. По сути это форма забастовки. Когда ты отказываешься сотрудничать, система дает сбой. Быть может, полной остановки не будет, но нормальное функционирование все-таки прекратится. Исторически сложилось так, что способность прекратить работу жизненно важных систем издавна является источником власти для низов. Это подрывная власть, власть взаимозависимости.

ЛМ: В книге "Движения бедняков" Вы вместе с Ричардом Клоуардом отстаиваете идею о ключевой роли массовых возмущений в объяснении становления государства всеобщего благосостояния и хода социальных реформ. Как Вы оцениваете то, что происходит в настоящее время с точки зрения Вашей теории?

ФП: По большей части людям кажется, что представительная избирательная система – это именно та площадка, на которой их надеждам суждено воплотиться, если это в принципе возможно. Однако, мне не кажется, что электоральная политика несет какую-то пользу самым низам. Я все сильнее убеждаюсь в том, что она не несет никакой пользы большинству населения США из-за роста коррумпированности электоральной политики, в Европе - из-за верховенства супранациональных институтов над государственными решениями. Несмотря на это, избирательную систему нельзя игнорировать. Именно способность движений оказывать влияние на электоральную политику зачастую предопределяет их успех или поражение.

На самом деле представительная избирательная система - замечательная институциональная конструкция. Она порождает сферу относительного равенства, сферу, в которой широкие слои населения наделяются правом голоса в регулярно проводимых выборах, а ключевые лица, принимающие решения на муниципальном и государственном уровне, зависят от электоральных действий этих слоев. Иными словами, электорат может лишить власти и рабочего места правящую элиту. Выборная представительная

>>

демократия также гарантирует определенную свободу собраний и самоорганизации, и потому у множества атомизированных избирателей есть шанс на выработку коллективного голоса.

Существует множество моделей выборной представительной демократии, и они имеют важное значение. Но, в сущности, это изобретение создает сферу общественной в жизни, в рамках которой практически все обладают ресурсом, от которого зависят верхи, и этот ресурс в принципе распределен более или менее равномерно.

Проблема очевидна. Эта сфера равенства не отгорожена от остального общества, в котором неравенство принимает колоссальные и уродливые формы. Неравенство, несомненно, оказывает влияние на происходящее в электоральной сфере. В США ситуация усугубляется: Верховный суд вынес вердикт по иску, поданному организацией "Объединение граждан" к Федеральной избирательной комиссии, в соответствии с которым отменялись законы США, по которым десятками лет ограничивались выплаты группам, участвующим в избирательной кампании, и теперь миллиарды долларов бесконтрольно тратятся на предвыборные расходы. Более того, речь идет о представительной системе, а перевод голосов в репрезентацию также подвержен значительной погрешности, частично в соответствии с Конституцией США, но в основном из-за засилья лоббистов, посещающих слушания в комитетах Конгресса и регулярно подкупающих политиков.

Однако, в связи с этим мне хотелось подчеркнуть нечто иное. Обратите внимание: в самом сердце идеи избирательной представительной системы лежит опора на конструированную взаимозависимость политических элит и электоральных масс.

Обычно, когда возникают общественные движения, откуда ни возьмись появляются толпы людей, поучающих активистов, что вместо участия в беспорядках им следовало бы работать над продвижением кандидатов-реформистов, в то время как сами активисты частенько с презрением относятся к институту выборов как таковому. Ни одна из сторон не понимает, каким образом электоральная политика, даже в искаженной форме, в которой она существует в реальности, может взаимодействовать с общественными движениями и даже оказывать им поддержку. Не понимают они и эффектов массовых беспорядков, которые могут стать источником власти и влияния для общественного движения.

Политические партии и электоральные организации стремятся привлечь на свою сторону большинство. Чтобы достичь этого, они стараются замять вопросы, по которым мнения групп избирателей расходятся или которые отпугивают потенциальных спонсоров. Но когда движения возникают, их обычно интересуют именно такие проблемы! Политики, которым необходимы голоса участников и сторонников движения, пытаются отбиться от новых требований. Они говорят, например, "Да, конечно, я совершенно согласен с необходимостью расовой интеграции. Но это нужно делать постепенно". Естественно, «постепенно» значит «потом» или «никогда». Сам факт, что политики стараются отредактировать требования электората, свидетельствует о том, что, быть может, крик активистов о помощи приводит к каким-то последствиям в электоральной политике. А если движение становится сильнее благодаря такому вдохновению (подобно тому, как движение в защиту гражданских прав набирало обороты по мере того, как программа Демократической партии начинала включать в себя его требования), можно предсказать его рост.

По мере роста движения оно становится все более устрашающим в глазах политических кандидатов, которым необходимо каким-то образом держать вместе блоки избирателей, необходимые для электоральной победы, а также не упустить финансовую поддержку спонсоров. Движения достигают успеха, когда политики идут на уступки ради примирения противоречий между избирателями.

ЛМ: : Ваши теории – теория беспорядков, взаимозависимой власти, а также электоральных условий, при которых движения могут добиться проведения реформ, основаны во многом на Вашем знании истории США и Вашего собственного участия в протесте, особенно в рамках Движения за социальное обеспечение в Нью-Йорке 60-х. Насколько эффективны эти теории в объяснении политических событий в других странах?

ФП: Кое-что, о чем я пишу, действительно описывает ситуацию и в других уголках планеты, однако строго двухпартийная система в США, возможно, особенно податлива воздействиям общественных движений. Протесты в Греции, например, помогли расколоть коалицию ПАСОК и сделали возможной победу Сиризы, коалицию радикальных левых.

ЛМ: Каким образом современная динамика взаимодействия движений и электорального процесса объясняет победу Барака Обамы на выборах, а также ограничения, которые это события наложило на проведение прогрессивных социальных реформ?

ФП: Электоральную поддержку Обаме в основном обеспечивали молодые т меньшинства. Его президентство началось тогда, когда рецессия достигла апогея, а общественные движения еще не появились в принципе.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что президентский срок Обамы более всего напоминает срок Герберта Гувера, президента-республиканца, находившегося у власти в 1929 году, когда обвал биржевого рынка вызвал Великую Депрессию, хотя энтузиасты и хотели бы сравнить его с Франклином Делано Рузвельтом, автором New Deal. В 1930-31 были и протесты, но они были небольшими. Людям требуется время, чтобы привыкнуть, осознать, что произошло, и придумать, что по этому поводу можно сделать.

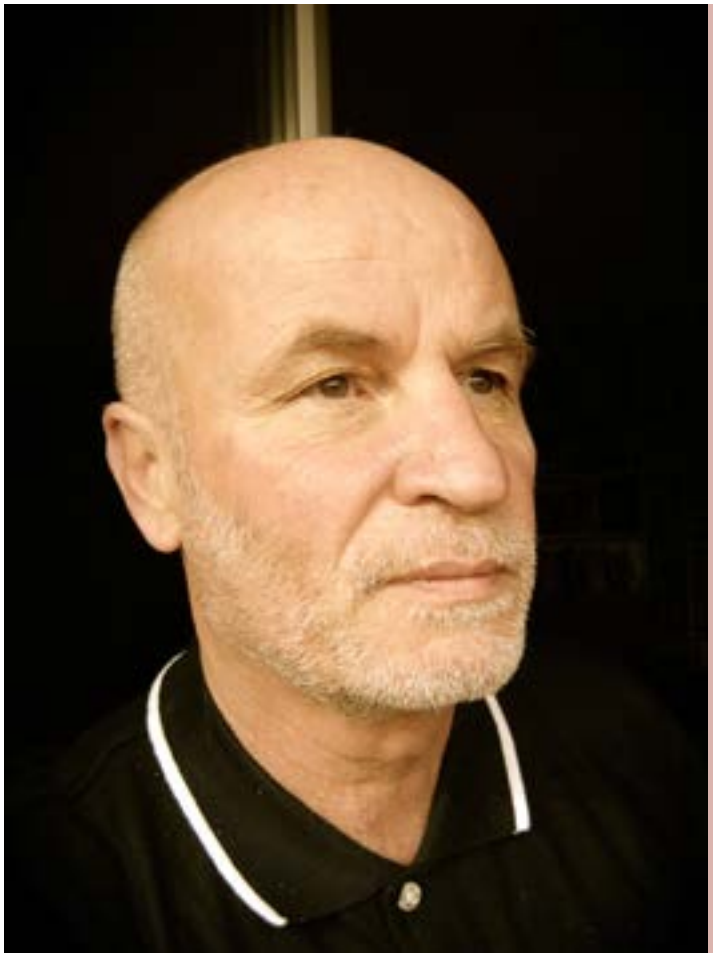
Крупные протесты начали разворачиваться в первой половине 30х, через несколько лет после начала Великой депрессии и многочисленных попыток Гувера навести порядок повторением мантры о том, что еще совсем чуть-чуть и дела пойдут на поправку.

Похожее случилось и в 2008 году. Да, были и молодые активисты, например, из движения Move-on, и они принимали участие в избирательной кампании. Но это не было протестным движением. Студенческие и рабочие протесты в Висконсине, затем Оккупай, группы Fight for Fifteen, Hands Up, Don't Shoot появились лишь по прошествии некоторого времени. Конечно, развернись эти движения в 2008 году, Обама был бы более хорошим президентом. На дворе 2015 год, движения действительно растут, разгораются протесты по поводу минимальной заработной платы и работы полиции. В США мы должны надеяться на то, что эти движения будут расти, частично потому, что президент Клинтон не сможет позволить себе не обратить на них внимание. ■

Корреспонденцию присылайте Франсис Фокс Пивен на адрес fpiven@hotmail.com и Лоррейн Миннит на адрес lminnite@gmail.com.

> Магнетизм Исламского государства

Интервью с Франсуа Бюрга



Франсуа Бюрга – политический социолог, старший научный сотрудник Национального центра научных исследований (Centre national de la recherche scientifique, CNRS). Он посвятил карьеру анализу политических систем и гражданского общества в арабском мире. Это один из тех немногих ученых, кто способен понять исламские движения, не романтизируя и не демонизируя их. Он смело противостоит мейнстримным интерпретациям. В настоящее время Бюрга - ключевая фигура проекта Европейского Совета под названием «Когда а арабском мире не срабатывает авторитаризм». Его последняя публикация – *Pas de printemps por la Syrie: Les cles pour comprendre les acteurs et les defis de la crise*, 2011-2013 ("Никакой весны для Сирии: ключи к пониманию акторов и вызовов кризиса", 2011-2013). С ним проводит интервью Сари Ханафи, преподаватель Американского университета в Бейруте и вице-президент МСА по национальным ассоциациям.

Франсуа Бюрга.

Начиная с сентября 2014 года заявление Исламского государства о том, что оно здесь надолго и собирается только расти, к несчастью, отражает реальность в Ираке и Сирии, несмотря на международные авиа-удары. Расширение ИГИЛ вовсе не предполагает однозначную консолидацию власти. "Суннилэндия", к созданию которой стремится ИГИЛ, встречает сопротивление, в том числе и на захваченных им территориях. В конце 2014 года ЦРУ объявило, что на стороне Исламского государства воюет от 20 до 31,5 тысяч человек, однако по другим менее оптимистичным оценкам эта цифра достигает 200 тысяч. Это расширение должно быть понято в контексте кризиса репрессивных режимов на данной территории и идеологических различий. Несомненно, ИГИЛ и его франшизы действуют в разных странах, превращаясь, таким образом, в глобальный феномен - до такой степени, что как минимум 6000 европейцев, в том числе полторы тысячи граждан Франции, поехали воевать в Сирию. Многие европейские рекруты являются мусульманами по происхождению, но некоторые перешли в ислам относительно недавно. В нашем интервью Франсуа Бюрга делится с нами размышлениями о том, что мотивирует европейцев к вступлению в ИГИЛ.

СХ: ИГ принесло в регион новое политическое воображаемое: отказ от границ, построение империи и т.д. Как Вы считаете, привлекает ли это молодых людей?

ФБ: Да, именно так. Хотя источники притяжения много-

>>

численны и разнообразны, мы можем, тем не менее, указать наиболее распространенные. Чтобы уточнить спектр мотиваций, я советую применять две категории: “негативные” мотивации, которые включают в себя отказ от среды происхождения (например, от Франции) и “позитивные” мотивации, которые притягивают людей в мир Исламского государства.

Перед тем, как подробнее рассмотреть оба типа мотиваций, позвольте мне высказать свое мнение по поводу других объяснений привлекательности ИГ, основанных на “идеологических” и “религиозных” факторах. Эти объяснения возлагают всю вину на “радикальный ислам”, который якобы “заражает” наивного юнца, стоит ему прочитать пару страниц, написанных Саидом Кутбом, или познакомиться с каким-нибудь “имамом-радикалом” в мечети в предместье европейского города или, что еще хуже, в Интернете.

С моей точки зрения, этот (исламский) вокабуляр может ускорить процесс радикализации, но он никоим образом не объясняет личную трансформацию. Мировая история радикализации показывает, что нельзя путать вокабуляр бунтаря с истоками бунтарства. Вне зависимости от религии и догмы те, кто хочет протестовать, всегда находят символические ресурсы, религиозные или профанные, посредством которых можно выражать и оправдывать свои действия. “Исламологические” интерпретации джихадистского насилия популярны на Западе, потому что приписывание всей ответственности исламской вере позволяет наблюдателю (немусульманину) откреститься от какой-либо собственной ответственности за происходящее. За такими аргументами частенько стоит “педагогическая иллюзия”, намекающая на то, что джихадисты просто не читали “правильной суры”, или же прочитали ее, но “невнимательно”, или вообще не поняли то, что прочитали. Все эти ошибочные представления словно намекают нам, что катастрофические последствия радикализма в исламском мире и на глобальном уровне можно изжить, если довести до совершенства религиозное образование нескольких миллионов мусульман на планете. Думаю, всем очевидна ограниченность подобного подхода.

СХ: Давайте вернемся к «негативным» мотивациям, которые Вы упомянули в начале.

ФБ: “Негативные” мотивации фокусируются на испытываемом джихадистами ощущении “тотального отторжения” со стороны общества, в котором они выросли. Среди таких джихадистов есть те (хотя они и в меньшинстве), кто испытывал социо-экономические трудности или не мог приспособиться к взрослой жизни, что нередко накладывалось и на особые непростые обстоятельства жизни подростка североафриканского или “мусульманского” происхождения в Европе.

Иными словами, переезд французских джихадистов в Сирию является политической реакцией на индивидуальную или коллективную стигматизацию: неравный доступ к образованию, неравенство возможностей на рынке труда, дискриминацию со стороны полиции и в суде и пр. Однако - и как раз об этом мы говорим реже - эти неравенства также отражают отсутствие политической репрезентации на двух уровнях. То, что система избирательного представительства не работает, становится ясным при беглом взгляде на электоральную статистику. Однако необходимо принимать во внимание и эффекты систематических ограничений свободы самовыражения, особенно в мейнстримных медиа. Более того, эти эффекты лишь усугубляются тем, что масс медиа отдают предпочтение “официальным” и совершенно нерепрезентативным “фигурам”.

Эти два уровня пагубного политического господства уходят корнями в колониальный период. Во-первых, у подавляемого местного населения отнимали голос. Затем им внушали иллюзорное чувство национальной принадлежности через ложных представителей, которые приняли условия колониального господства. Два десятилетия назад, в 1995 году, в разгар гражданской войны в Алжире я проводил интервью с молодыми французскими мусульманами, которые следующим образом описали трудности “сосуществования” в такой дискриминационной атмосфере: “Когда на французском телевидении говорят об Алжире, Палестине или исламе, нам приходится переключать канал! И поверьте, мсье, это происходит так часто, что у нас уже отваливаются пальцы!” Запрограммированное отвращение к иммигрантам может принимать более вопиюще оскорбительным формы, такие как плевки и другие формы агрессии по отношению к женам и сестрам, носящим мусульманский платок.

СХ: Что бы Вы могли сказать о “позитивной” притягательности ИГ?

ФБ: Да, желание порвать с миром, который отказывает им в их человеческих желаниях, несомненно, сопровождается более позитивными мотивациями. Даже безупречно интегрированные мусульмане - как в экономическом, так и в социальном плане - находят позитивные мотивации, способные заменить негативные, вызывая радикальную вовлеченность сначала в сирийском конфликте, а затем и в его международном продолжении. На протяжении веков джихадистское участие основывалось на транснациональной идеологической или религиозной солидарности. Среди основных причин, побуждающих новообращенных взять в руки оружие, упоминается желание помочь своим братьям по религии, которых, по их мнению, - которое в некотором роде даже можно понять - Запад бросил на произвол судьбы, оставив на верную погибель под бомбардировками Ассада. С точки зрения европейской истории, такая транснациональная, инфрагосударственная солидарность не является чем-то уникальным. Вспомним, например, какой поддержкой пользовались испанские ре-

>>

спубликанцы в 1936 году, выступавшие за формирование международных бригад, включавших в себя некоторых известных французов. Или, к примеру, случай Режи Дебре (бывшего советника президента Миттерана), присоединившегося к боливийской герилье. Мы нечасто слышим о нескольких сотнях христианах, многие из которых были французами, боровшихся бок о бок с фалангистами во время гражданской войны в Ливане. Может, стоит подумать и о гражданах Франции, вступающих в армию Израиля, несмотря на то, что на оккупированных территориях последняя действует вразрез с нормами международного права.

Но помимо выражения некой формы гуманитарной солидарности, мне кажется, ИГИЛ привлекает молодежь еще и тем, что представляет собой утопию, нечто вроде свободной "Суниландии" подобной той, что Иран Аятоллы Хомейни представляет собой для шиитов, то есть уголок планеты (во всяком случае, по мнению ИГ), в котором мусульмане могут жить в соответствии со своими религиозными представлениями и собственной интерпретацией, без каких-либо ограничений, характерных для их стран. Более того, в этом мире жертв исламофобии можно защищать любым методом, даже используя насилие. Более того, ИГ дает этим жертвам шанс отомстить обидчикам на равных - будь то месть за символическое насилие (карикатуры) или военное (бомбы).

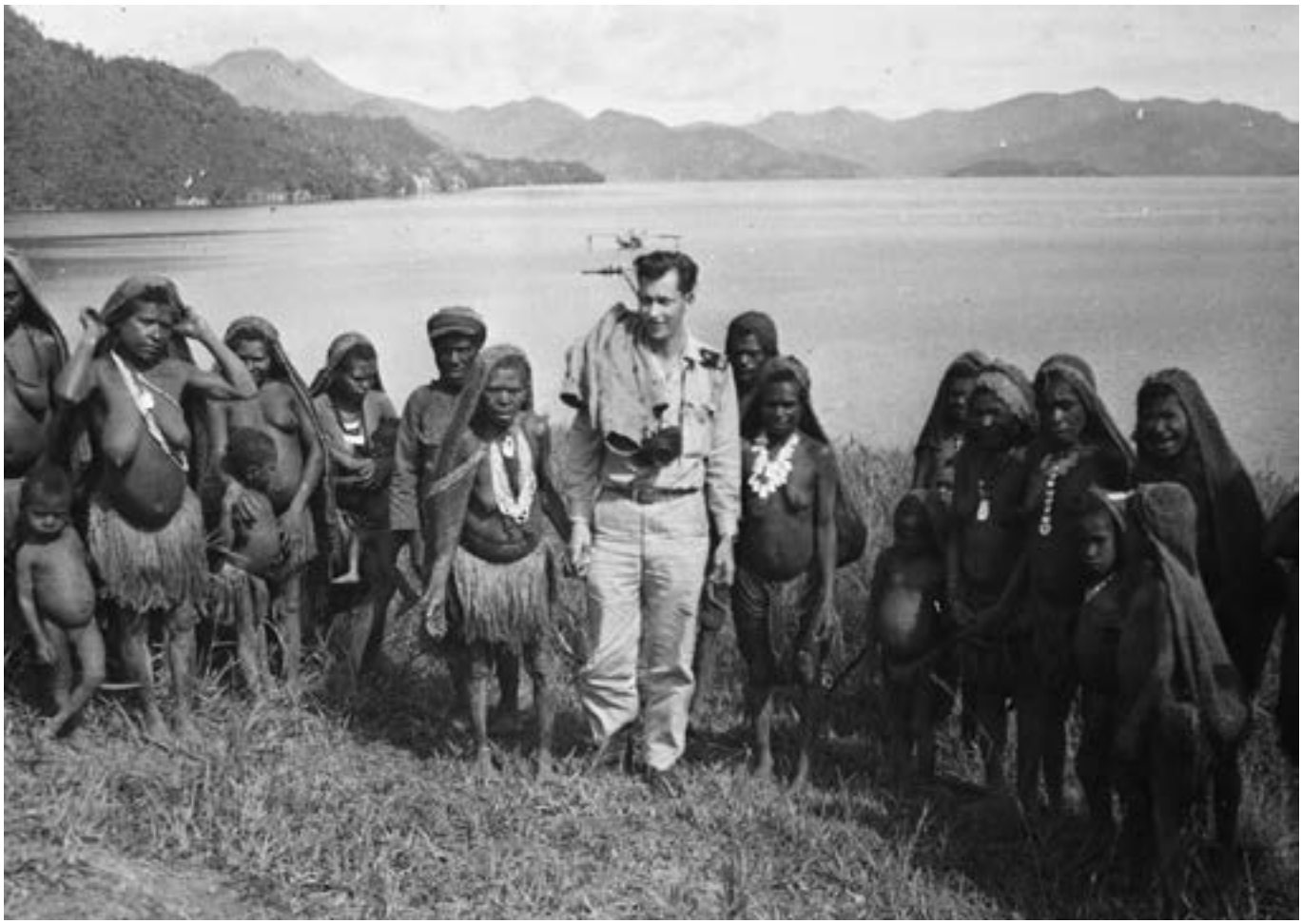
Официальные отчеты о ситуации на Ближнем Востоке не говорят ни слова об этом более широком контексте. Интерпретации парижских атак 7 января слишком узко фокусируются на жертвах, расстрелянных из автоматов Калашникова, принадлежавших "террористам". Власти и СМИ проигнорировали тех, кто был убит израильскими F-16, французскими самолетами или американскими дронами. Вот почему нам следует посмотреть на феномен ИГИЛ шире, обратив внимание на глобальный пространственный и временной контекст противостояния. Чтобы понять, каким образом негативные эмоции выливаются в идеологический и религиозный радикализм, мы должны поместить наблюдаемые нами события в историческую и международную перспективу. Только тогда мы сможем увидеть и понять, что они соответствуют глубоко закрепившимся политическим расколам, уходящим корнями глубоко в колониальное прошлое. И вот недавно старые раны вновь открылись: Франция подписалась на целый ряд односторонних мер, приводимых в действие как самостоятельно, так и через альянсы с партнерами - Израилем и США, в таких странах как Мали, Йемен, Ирак или Сектор Газа.

Ничего бы не случилось в Париже без этих старых конфликтов и завоеваний, влияние которых, тем не менее, начисто игнорируется в большинстве "аналитики", фокусирующейся исключительно на социологических факторах. И в заключение давайте ответим на вопрос - за те пятнадцать лет, что прошли с 11 сентября, что нового рассказала нам социология о таких террористических атаках? Я бы сказал, что практически ничего... ■

Корреспонденцию присылайте Франсуа Бюрга на адрес francoisburgat73@gmail.com и Сари Ханафи на адрес sh41@aub.edu.lb

> Странная история социологии и антропологии

Ян Бреман, Амстердамский университет, Нидерланды



Д-р Я. В. де Брёйн, государственный антрополог в нидерландской Новой Гвинее. Фото из Национального этнографического музея.

В начале XX в. отец-основатель социальных наук в Нидерландах провел демаркационную линию между социологией и антропологией. В то время как антропология должна была изучать “менее развитие” народы, социология сфокусировалась бы на социальной организации “более развитых” обществ, которые, как ни странно, находились на Западе. Довольно скоро оказалось, правда, что это четкое и простое деление страдает примитивизмом.

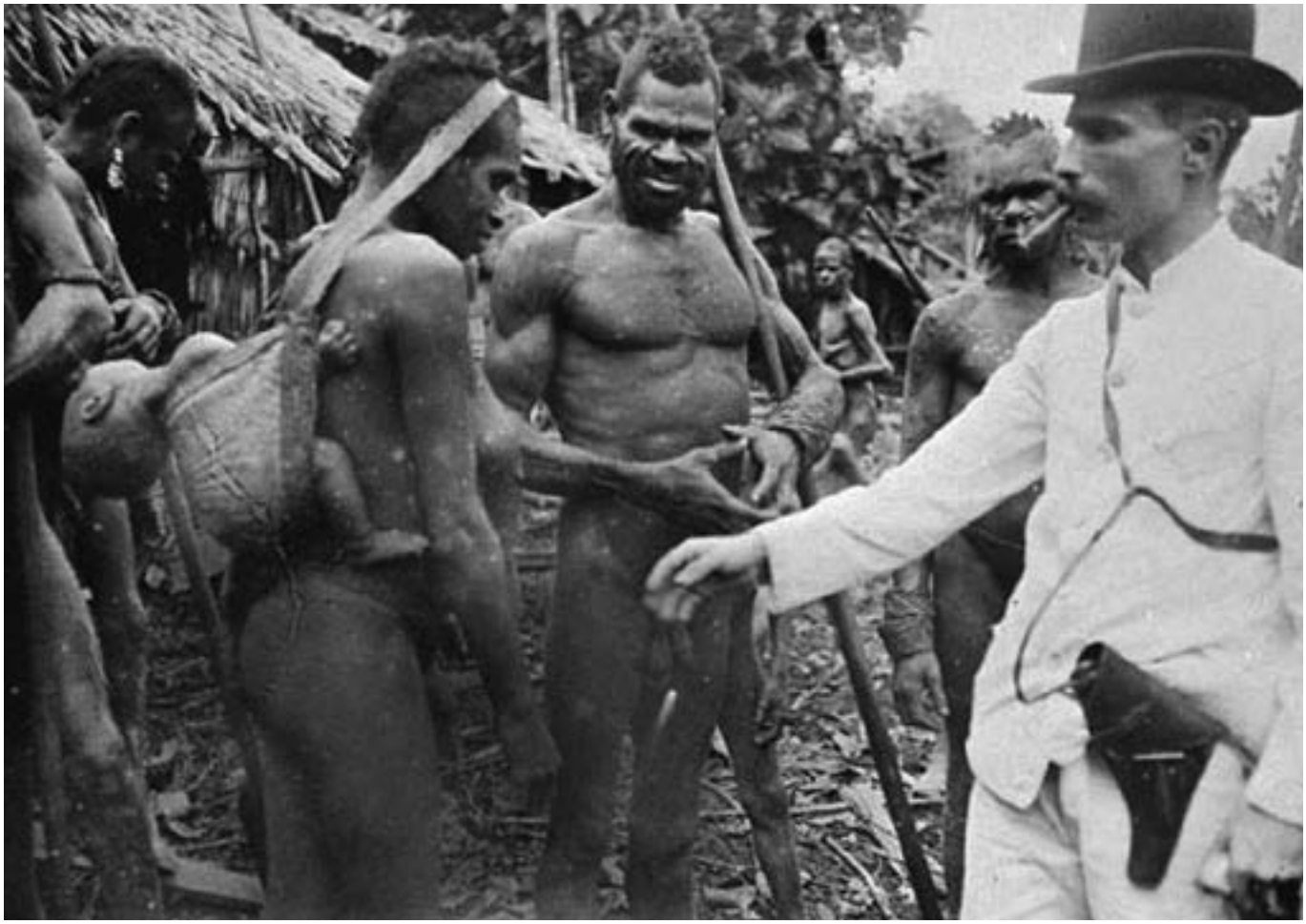
Начиная с XVII века Нидерланды занимались построением колониальной империи; управление заморскими

>>

территориями требовало знания социальной структуры и культуры местного населения. Жителей крупномасштабных, мультистратифицированных и грамотных обществах вроде Ост-Индии называли коренными жителями, а не аборигенами (второй ярлык использовался для обозначения малых племенных групп, не имеющих без государственности, перемещающихся по местности примерно так же, как делали наши далекие примитивные предки). Изначальную идею о том, что колонии несут пользу метрополии, оправдывавшую любое выкачивание ресурсов, необходимо было чем-то заменить. Колониализм начали изображать как цивилизационную миссию.

В начале XX в. внешнее господство оправдывалось как опекунство и оказание помощи в прогрессивном развитии колоний. Известный тезис mise en valeur (развития) обещал привнести ценности развития туда, где их не было. Роль голландского колониального социолога стала походить на роль британского правительственного антрополога в колониальной Африке: консультировать власти о последствиях проводимой политики, или давать советы о том, как сдержать разгорающееся пламя исламизма, как найти зачинщиков общественных беспорядков, или же ответить, наконец, на самый животрепещущий вопрос - как заставить Яванских крестьян проникнуться духом капитализма? Цивилизационная миссия объявляла, что “там, где коренное население находится сейчас, были когда-то и мы; тем, что мы сейчас, им еще суждено стать. Чтобы воплотить в жизнь мечту о подражательной трансформации, нужно было отрезать колонизируемые массы от их собственного прошлого и их идентичности и объявить, что они - люди без истории.

Исчезло ли тяжкое бремя белого человека, когда освободительная борьба положила конец колониальному правлению в середине двадцатого века? Стремясь сохранить научные знания о подконтрольных территориях, накопленные в колониальный период, голландские политики позволили нескольким университетам - а именно Лейденскому и Амстердамскому - открыть кафедры и начать преподавать курсы по так называемой “незападной” социологии, фокусирующейся на сложных обществах бывших колоний. Такой довольно странный ярлык маркировал эти общества в соответствии с тем, чем они (пока что) не являлись и чем им, якобы, было суждено стать в будущем, проделав некий транзитный путь. “Незападная социология” рассматривалась как отдельная дисциплина и находилась где-то посередине



Во время первой экспедиции в Новой Гвинее в 1906 году голландец хочет пожать руку папуаске, которая в ответ смотрит в недоумении. Фото из Национального этнографического музея, Лейден, Нидерланды.

>>

между антропологией (изучавшей племенные общества в таких местах как Папуа Новая Гвинея и Суринам), с одной стороны, и (западной) социологией, с другой. Появившись исключительно в Нидерландах, "незападная социология" на самом деле стала лишь свидетельством ограниченности местного научного сообщества, решившего сопротивляться унифицирующей миссии науки, пропагандировавшейся таким мыслителями как Вебер, Тённис или Дюркгейм.

Западно-центричная установка позволила социологам повернуться спиной к тому, что впоследствии начали называть Третьим миром: теперь им позволялось целиком и полностью сосредоточиться на глобальном Севере. Цивилизационная миссия, однако, выжила и в постколониальную эру, вылившись в формальную приверженность оказания помощи "отсталым" странам в их попытках догнать "ведущие" страны. На смену странному обозначению "незападный", включавшему в одну группу множество разнообразных культур и народов, пришел намного более привлекательный манифест. Теперь нужно было содействовать развитию там, где оно не происходило, то есть на Глобальном Юге. Зародилась социология развития, которая занялась исследованием того, как тот мир, в котором проживает большинство человечества, справляется с "эволюционным" переходом от аграрно-сельского к индустриальному урбанистическому образу жизни.

Тем временем дисциплина антропология также претерпела значительные изменения. О "наших ныне живущих предках" совсем позабыли. Если они не исчезли в отдаленных уголках Австралии, Азии, Африки и Америки под натиском всепоглощающего прогресса, то были инкорпорированы в более крупные государственные формации, потеряв всякую автономию, несмотря на все свои усилия. Однако, руководствуясь собственной исследовательской методологией (отличной от социологической), антропология сумела возродиться, найти новые пространства для полевой работы, приближаясь к людям и рассматривая их "под увеличительным стеклом", близко знакомясь с тем, чем они занимаются.

Но как провести четкую границу между социологией и антропологией? Профессор антропологии в Университете Амстердама, где я изучал востоковедение в конце 50х, предположил, что антропология должна фокусироваться на традиции, в то время как модерность попадет в поле зрение социологии. Этот принцип с самого начала казался малопригодным, потому что невозможно четко назвать взаимоисключающие характеристики обеих. Ключевой задачей для обеих дисциплин остается ответ на вопрос о том, как, почему и с какими последствиями происходят эволюционные изменения. Обе дисциплины на самом деле обсуждают взаимоотношения прошлого и настоящего, а не пытаются объективировать контраст между традицией и модерностью.

Когда меня номинировали на должность профессора сравнительной социологии в моей альма матер в 1987 году, я не хотел захотел открывать кафедру "незападной социологии" или "кафедру социологии развития". Вместо этого мы со старшим коллегой открыли Амстердамскую школу общественных наук и на ее базе PhD программу, цель которой заключалась в объединении социологии, антропологи и социальной истории для поддержки исследований динамики глобализации в исторической перспективе. Хотя наши академические достижения были весьма значительны, нам не удалось убедить государственных спонсоров и попечительский совет университета обеспечить адекватное финансирование программы. Из-за критического отсутствия поддержки проект угас и переродился в Амстердамский институт общественных наук. На нашем факультете преподаватели работают в двух департаментах - социологии и антропологии, каждый из которых имеет свой исследовательский профиль.

Разошлись ли вновь пути нашей классической пары? В общем и целом - да, ведь они изучают "Запад" и "остальные общества" (современные обозначения "более" и "менее" развитых обществ). Возврат к разделению является проблематичным по многим основанием, но, в основном, потому, что общественное и геополитическое разделение на "передовых" и "отстающих" сегодня еще более сомнительно, чем ранее. Священная траектория трансформации, раскрывающая, каким образом менее развитые страны догонят более развитые, потеряла свою актуальность. Остальной мир по многим параметрам совсем не следует по пятам Запада - кто знает, быть может, направление и ритм изменений еще окажутся противоположными тому, что, по-прежнему, часто называют развитием? ■

Корреспонденцию присылайте Яну Бреману на адрес J.C.Breman@uva.nl

> Австрийское наследие в публичной социологии

Рудольф Рихтер, Венский университет, Австрия, Председатель местного организационного комитета Третьего социологического форума МСА, Вена, 2016

Текстильная фабрика в Мариентале, 1914. Архив по истории социологии в Австрии, Грацский университет.

Тема Третьего социологического форума МСА, сформулированная Президентом форума Маркусом Шульцом, гласит: «Будущее, к которому мы стремимся. Глобальная социология и борьба за лучший мир». Учитывая тему, для проведения форума выбрано великолепное место: австрийская социология издавна стремится к сочетанию научных достижений с социальными обязательствами.

В 1930-е годы, когда «Счастливые двадцатые» залечили раны Первой мировой, Депрессия охватила австрийское общество. Вместе со статистиком Хансом Цайзелем Мари Яхода и Пол Лазарсфельд провели известное “исследование Мариенталя”, в котором проанализировали последствия массовой безработицы после закрытия завода в поселке Мариенталь. Во введении к первому немецкому изданию книги Мари Яхода объясняет цели исследования: во-первых, внести вклад в решение проблемы безработицы в Мариентале, во-вторых, предложить объективный анализ общественной ситуации - именно в таком порядке. Австрийская социология до сих пор преследует эти цели: систематические научные изыскания фокусируются на общественных проблемах.

В предисловии к более позднему изданию Пол Лазарсфельд отмечает, что исследователи также стремились разработать новые методы изучения социальных феноменов. Они измеряли скорость ходьбы жителей деревни, распространяли листы учета бюджета времени, просили школьников писать сочинения о своих мечтах, использовали статистические данные и даже просили семьи записывать информацию о режиме и рационе питания.

В контексте темы Форума необходимо отметить, что мариентальские исследователи не выносили оценочных суждений в отношении будущего и не предлагали альтернатив. Однако их исследование предлагало модель “борьбы за лучший мир”: оно помогало лучше понять социальную проблему, которую необходимо было решить. Показывая последствия безработицы на уровне индивида и сообщества, исследование детально прорисовывало деструкцию паттернов повседневности и пути пассивного смирения жителей. Подробный рассказ об этих общественных проблемах показал глубину ответственности политиков за происходящее.

>>

Часть экспозиции Мариентальского музея, посвященная памяти Мари Яхода, Ханса Цайзеля, Пола Лазарсфельда и Лотте Шенк-Данцингер.
Архив по истории социологии в Австрии, Грацский университет.

Научное сообщество в Вене формировалось также под влиянием другой группы, Венского кружка. Рудольф Карнап и другие приверженцы логического позитивизма, в том числе статистик Отто Нойрат, сыграли важную роль в распространении социологического знания в обществе - что довольно типично для австрийской социологии. Вместе с художником Гертом Арнцем Нойрат изобрел пикторальную статистику и основал венский *Gesellschafts- und Wirtschaftsmuseum* (Общественно-экономический музей), чтобы популяризировать статистику в обществе. Музей существует по сей день.

Логический позитивизм, зародившийся в рамках Венского кружка, представляет собой лишь одно из направлений австрийской социологии. Другое направление представляет критический рационализм Карла Поппера. Его известная книга “Открытое общество и его враги” представляет собой мощную критику “закрытых” коммунистических обществ. В целом политический аргумент этой работы предельно прост: общества должны оставаться открытыми для будущего, однако у них есть и всегда будет история. Любые попытки закрыть общество от внешних влияний и построить идеальный мир - каким бы гуманистическим ни было это намерение - приводит к тоталитаризму. А тоталитаризм не может рассматриваться как вариант приемлемого будущего.

Две великие войны XX века оказали колоссальное влияние на науку Австрии и Центральной-Восточной Европы в целом. После Второй мировой австрийская социология начала свое развитие заново, и только в 1960 г. в Венском университете был открыт социологический факультет. Изначально большинство социологов занимались такими проблемами, как городское расселение и жилье, социальное положение молодежи и межпоколенческие отношения. Социологи исследовали и писали отчеты для правительства о положении семьи и заботы в стареющем обществе. С 1970х гг. все больше внимания уделяется проблемам миграции, социологи консультируют политиков по этим вопросам. Структурный анализ социального неравенства и стратификации стал одной из основных областей исследований. Социологические исследования продолжают привлекать внимание общества и часто обсуждаются в печати.

В течение последних десятилетий основополагающей характеристикой австрийской социологии стала приверженность исследованию социальных проблем с систематическим применением научного социологического метода. Я уверен, что будущее австрийской социологии лежит в рамках этой традиции, что видно даже в блоге Форума МСА: http://isaforum2016.univie.ac.at/blog/

Интеграция научного знания с социальным воздействием поднимает вопросы, тесно связанные с темой третьего Форума МСА: Какое будущее нам нужно? И как мы будем бороться за него?

Я начну со второго вопроса. По моему личному мнению социологи должны бороться как профессионалы: систематически, аналитически, научно, руководствуясь эмансипаторным интересом, когда-то озвученным Юргеном Хабермасом. Для социологов борьба за лучший мир должна включать в себя работу по улучшению социологических методов и теорий, направленных на глубинное понимание социальных проблем.

И вот мы возвращаемся к первому вопросу: Какое будущее нам нужно? Хотя нам хорошо известны проблемы современного общества - например, глубокое неравенство, в том числе в доступе к ресурсам, - было бы опрометчиво описывать идеальное будущее как свободное от таких проблем. Идеальные общества всегда тоталитарны, особенно когда группа людей - даже социологов - претендует на обладание абсолютной истиной.
Быть может, вместо того, чтобы требовать определенного будущего, нам следовало бы заявить, что, как, наверное, сказал бы Карл Поппер, что мы стремимся к будущему, открытому к изменениям, нам нужно общество, у которого есть и будет история. ■

Корреспонденцию присылайте Рудольфу Рихтеру на адрес rudolf.richter@univie.ac.at

> США и Куба: мириться непросто!

Луис Румбаут, Кубинско-Американский Альянс, Вашингтон, США, и **Рубен Румбаут**, Калифорнийский университет, Ирвин, США

Что стало с Кубинской революцией? Статуя Хосе Марти смотрит на портрет Че Гевары на площади Революции в Гаване.

В декабре прошлого года президент Барак Обама обратился к гражданам США с тринадцатиминутной речью, в которой заявил, что политика удушения кубинской экономики, проводившаяся в течение 53 лет, была ошибкой. Соединенные Штаты – или, по крайней мере, исполнительная власть США – готовы взять новый курс на восстановление дипломатических отношений с Кубой с целью стать хорошими соседями и торговыми партнерами. Перефразируя кубинского национального героя и великого интеллектуала конца XIX века Хосе Марти, переговоры о мире должны были проходить в тишине, так как из-за конфликтных интересов они могли быть саботированы даже до начала обсуждения.

Эти интересы неожиданно были разоблачены как корыстные и местнические. Контрреволюция представляла собой гораздо меньшую опасность, чем американские корпорации, которые вели наблюдение за компаниями всего мира, особенно туристическими, которые открывали свои представительства на Кубе. Существовало гораздо больше возможностей развития кубинской экономики: сельское хозяйство, скотоводство, легкая промышленность, потребительские товары, строительство, жилье и транспорт, даже совместные предприятия в области высоких медицинских технологий.

Сегодня большие и малые бизнесы поддерживают президента США. Все больше людей путешествуют по новым,

>>

Президенты Рауль Кастро и Барак Обама обмениваются рукопожатием на Саммите Америк, апрель 2015 г.

упрощенным правилам. Все больше кубинских иммигрантов и туристов теперь свободно пользуются возможностью путешествовать из Гаваны в Майами и обратно. Большинство сторонников жесткого политического курса в Майами находятся в том же возрасте, что и Фидель с Раулем. Приезжают новые мигранты, которые не застали разорения в начале революции. Нынешняя новая политика напоминает неудержимую волну.

Однако сколь бы ни были огромны новые возможности, так же огромны и трудности на пути к нормализации. Восстановление дипломатических отношений – лишь первый шаг.

> Новая кубинская модель

Несколько лет назад, еще до заявления Обамы, Куба начала обсуждение необходимости нового экономического курса. Дискуссия привела к разработке новых комплексных принципов управления. В их числе были предоставление в пользование земельных участков, легализация малого бизнеса, новые правила самоуправления государственных предприятий, поддержка сельскохозяйственных и несельскохозяйственных кооперативов.

Несомненно, проводя такие реформы, Куба сможет добиться увеличения объема продовольствия и заместить импорт собственными пищевыми продуктами. Первостепенное значение здесь имеют малые фермы и кооперативы, которые увеличат свою прибыль и создадут спрос со стороны городской промышленности. Вследствие улучшения качества услуг и повышения зарплат люди будут жить в гораздо лучших материальных условиях. Однако это лишь прогноз, а результаты пока смешанные. Ситуацию осложняет ряд таких факторов, как труднодоступность основных сельскохозяйственных ресурсов, ненадежная транспортная система между городом и сельской местностью, сложности с хранением продукции, недостаток упаковки – коробок и мешков, устаревшая техника и многое другое. Система, чье развитие было задержано из-за неадекватной инфраструктуры, требует обновления.

Кубинские предприниматели часто неэффективны в бизнесе. Это связано с отсутствием навыков управления малым бизнесом, заключения контрактов и ведения бухгалтерского учета, что важно не только для финансового здоровья, но и для налогообложения. Последнее представляет собой относительно новую проблему для предпринимателей в стране, где государственный сектор сокращается, а частный сектор расширяется. Государственный сектор останется доминирующим в таких областях, как сахарная промышленность, туризм, добыча полезных ископаемых, нефтяная промышленность, здравоохранение, медицинские исследования, образование, железнодорожное сообщение и авиаперевозки. Однако государственному сектору требуется повышение продуктивности.
Кроме того, перед Кубой стоит необходимость консолидации двух существующих валют – песо и конвертируемого песо, а также проблема старения населения.

Консолидация валют долго была в списке народных требований. Государство движется к этому постепенно, так как понимает, что гражданам, которые сейчас в основном пользуются неконвертируемым песо, может оказаться не по карману более сильная, конвертируемая валюта. Приток долларов и товаров из-за рубежа, особенно из Южной Флориды, по-разному влияет на домохозяйства. Это зависит от того, есть ли у конкретной семьи родственники за рубежом, которые оказывают им материальную поддержку.

Старение населения Кубы – проблема не уникальная, однако она создает уникальные требования. Благодаря достижениям кубинской медицины продолжительность жизни значительно выросла по сравнению с показателями несколько десятков лет назад. Однако эмиграция обеспеченной ресурсами молодежи усложняет ситуацию, как и урбанизация. Снижение процента молодых работников становится главной проблемой для новых программ землепользования. Сельское хозяйство нуждается в молодых специалистах – в том числе в агрономах, почвоведах, специалистах по маркетингу и смежным областям. Согласно данным переписи населения, в период с 2002 по 2012 годы население Кубы сократилось впервые со времен кубинской войны за независимость XIX века. Снижение численности населения произошло в связи с низкой рождаемостью и эмиграцией – более 330 000 кубинцев получили право на постоянное проживание в США.

>>

Комикс о Кубе, автор – М. Вюркер, газета POLITICO.

Новый экономический план Кубы включает в себя подъем сельскохозяйственной продуктивности. Новые малые предприятия, улучшенное управление государственной промышленностью, новый порт в городе Марьель, открытый туризм и потенциально массовый приток туристов из Соединенных Штатов, а также более свободные правила торговли со всеми странами должны также способствовать новой эре процветания Кубы.

> Нынешние интересы США

Причина смены политического курса США – вовсе не доброта, а более широкие вопросы. Многое в регионе изменилось. Стали успешными такие международные организации, как ALBA-TCP, Unasur и Celac. Ни в одной из них США не состоит, и это радикально отличается от ситуации в прошлом, когда ни одна межамериканская организация не могла обойтись без почетного места, предоставляемого Соединенным Штатам. В то же время Россия и особенно Китай прокладывают себе дорогу в Латинскую Америку и Карибский регион.

Традиционные союзники Кубы возмущены тем, что США настойчиво требуют присоединиться к своей политике эмбарго. На заседании ООН в прошлом году только Израиль проголосовал в пользу экономической блокады Кубы. Соединенным Штатам не удалось расправиться с Кубой – напротив, Куба стала вызывать уважение и признательность у стран всего мира. Куба выиграла эту войну, хотя мир и не гарантирован.

Соединенные Штаты, скорее всего, будут тем или иным образом пытаться превратить Кубу в зависимый неолиберальный остров. Этот прогноз не зависит от того, какая партия или президент находится у власти в Вашингтоне. Если американские корпорации обнаружат для себя выгодные торговые возможности, они будут стремиться именно к такому положению Кубы.

> Выборы в 2016 и 2018 гг.

Что ждет впереди? Президентский срок Обамы заканчивается в 2016 году. Возможно, республиканцы займут и Белый дом, и обе палаты Конгресса США. Республиканцы могут занять Белый дом; большинство кандидатов в президенты от их партии будут стремиться к тому, чтобы смена режима на Кубе так и осталась невыполненным обещанием. У демократов есть свои сторонники жесткой линии в Конгрессе. Их ведущий кандидат в президенты, убежденная сторонница неолиберализма и политики «мягкой силы», утверждает, что вернет Латинскую Америку и Карибские острова в то состояние, в котором они находились в период президентства ее мужа, до избрания Уго Чавеса в Венесуэле. Федеральное законодательство, регулирующее экономическую блокаду Кубы, может быть отменено только большинством голосов Палаты представителей и Сената.

В 2018 пройдут выборы нового президента Кубы. Скорее всего, им будет нынешний вице-президент Мигель Диас-Канель. Под его руководством будет развиваться новая экономика и новое общество. Диас-Канель заявил, что Куба останется социалистической, даже если у рыночных сил появится пространство для действий, а новый предпринимательский класс укрепит свои позиции.

Многие страны надеются на примирение между сверхдержавой и упрямым островом. И это примирение возможно. Новый политический курс США и экономические нововведения на Кубе знаменуют собой приход эры взаимовыгодных отношений, однако 55 лет противостояния забыть нелегко.

Сейчас известно только одно: США и Кубу продолжит разделять расстояние в 90 миль. ■

Корреспонденцию присылайте Рубену Румбауту на адрес rrumbaut@uci.edu
и Луису Румбауту на адрес lucho10@earthlink.net

> О расизме и революции

Интервью с кубинским активистом Норберто Месой Карбонеллем

С 1959 г. кубинская революция заявляет о своей приверженности расовому равенству. В стране, где рабство было отменено лишь в 1886 году, революция предоставила многим чернокожим кубинцам первый за всю историю доступ к земле и образованию благодаря новой всеобщей эгалитарной политике и преданности делу искоренения расовой дискриминации. Даже критически настроенные ученые утверждают, что, хотя Куба еще не является обществом расовой демократии, именно здесь для избавления от расизма было сделано больше, чем где-либо на планете.

Однако когда в начале 1990х на Кубе начался “Особый период”, последовало жесткое ограничение ресурсов. Плата за рыночные реформы - рост неравенства, которое, к сожалению, не является расово безразличным. Межрасовая напряженность стабильно растет. Чтобы побороть эту тенденцию, некоторые чернокожие творческие работники и публичные интеллектуалы создали яркую антирасистскую активистскую площадку, частично связанную с кубинским отделением организации “Региональное сообщество латиноамериканцев африканского происхождения”, спонсируемым государством (испанская аббревиатура - ARAAC).

На одном из мероприятий ARAAC социолог из Дании Луиза Стеур познакомилась с Норберто Меса Карбонеллем, 60-летним чернокожим кубинцем, активном участником этой инициативы. Мы приводим компиляцию из нескольких отрывков интервью, взятых Луизой у Норберто в конце 2014 и в начале 2015 года. Полная версия интервью доступна на страницах “Глобального экспресса”: http://isa-global-dialogue.net/?p=4222

Норберто Меса Карбонелль.

ЛС: Норберто, не могли бы Вы рассказать нам о себе?

НМК: Моя политическая биография довольно сложна. Мне едва исполнилось десять, когда я начал преподавать чтение и письмо, участвуя в одной из первых революционных кампаний по борьбе с безграмотностью (1961г.). В 1963 году, когда по острову пронесся ураган Флора, мне было тринадцать. В то время мы с товарищами по бригаде собирали кофе в районе Ориенте. Мне не исполнилось и шестнадцати в мае 1966 года, когда началась широкомасштабная военная мобилизация: мы были тут, прямо рядом с пушками, в ожидании американских лодок! Иными словами, я вырос в революции. С другой стороны, я много читал. Я был лидером своей рабочей группы, организатором партийной ячейки.

>>

В моей жизни революция сыграла огромную роль. Но в 1980 году случилось то, что заставило меня выйти из партии. Во время "бегства на лодках из порта Мариэль" многие бедняки и черные кубинцы покидали страну в поисках лучшей жизни. Они бежали от бедности. Власти считали, что мы должны относиться к ним как предателям и забросаем их тухлыми яйцами. Я принимал участие в собрании, на котором одного молодого партийца подвергали остракизму за отказ от участия в такой вакханалии. Его исключили! Покидая это собрание, я подумал, что если бы мой брат решил уплыть на лодке и кто-то захотел бы поступить с ним, как с каким-то мерзавцем, то им пришлось в первую очередь иметь дело со мной! И потому я подал заявление о выходе из партии. Это было дело принципа, дело совести.

Революция принесла многих замечательных изменений, в том числе чернокожим. Поэтому я продолжаю обращаться к государственным институтам, направляя туда открытые письма. В отличие от политических диссидентов я все еще высокого мнения об этих институтах. Я остался революционером в том смысле, который в это слово вкладывает Фидель. Большинство черных кубинцев - сторонники Революции. Это логично, учитывая все, что революция дала нам. Но это не значит, что наша "благодарность" будет вечной!

Поэтому, когда пришли 90-е, выросло неравенство, в том числе расовое, мы создали Черное Братство (Confradia de la Negritud), чтобы бороться с расовой дискриминацией. Мы опасны тем, что нас нельзя назвать политическими диссидентами. Мы работаем в рамках социалистического дискурса, несмотря на то, что мы критикуем действительность. Нам просто не нужен социализм, зараженный расовой дискриминацией! Мы призываем коммунистическую партию признать наличие проблемы и начать борьбу с ней. Пока партия не начнет открыто заниматься проблемой, нельзя ожидать, что остальные институты хоть палец о палец ударят для ее решения!

ЛС: Каковы основные проблемы, связанные с расизмом, в современной Кубе? Приходилось ли Вам испытать их на себе?

НМК: Организации кубинцев африканского происхождения зачастую подавляют и обвиняют в "расизме". У чернокожих не было и нет широкого простора для формирования позитивной идентичности. Например, есть такое понятие как *adelantar*, то есть "продвижение", которое подразумевает заключение брака с белым, избавление от "черноты"! Этот отбеливающий идеал ограничивает степень, до которой человек может идентифицировать себя с положением своей расы. Из-за этого непросто разобраться с самыми серьезными расовыми проблемами, исключающими черных из высокооплачиваемых секторов кубинской экономики.

Мне действительно довелось испытать это на своей шкуре. В течение нескольких лет я работал в богатом районе Марина Хемингуэй. Я начал работать там в 1997 году, когда мой сосед стал директором магазина. Я спросил его, нет ли подходящей для меня работы. В конце концов, мы были из одной деревни и уже когда-то работали бок о бок. К тому же на тот момент я уже успел обзавестись опытом работы на ресепшене в отелях и владел английским. И он ответил, "Норберто, я помогу тебе, но даже не надейся на работу в отеле на ресепшен или в магазине. Это невозможно. Я могу предложить тебе работу на складе, потому что в Марине Хемингуэй черные не работают с публикой. И это сказал человек, в прошлом партийный лидер! Мне была нужна работа, и потому я сказал, "Ах, на складе, да, почему бы и нет..."

Через некоторое время мне удалось устроиться на работу швейцаром. Нас было пятеро: двое пришли по протекции и потому чувствовали себя в безопасности; трое, включая меня, были чернокожими и сносно знали английский. Но как вы думаете, кого послали на курсы переподготовки, когда отелю нужно было уменьшить число швейцаров? Конечно же, троих черных, тех, кто вообще-то знал английский! Меня отправили переучиваться на охранника. Помню, как я вошел в помещение центра... В туристическом секторе работает совсем мало чернокожих, но там, куда высылают "лишних" работников, их было как минимум 60%!

Дальше – хуже. Меня уволили. Совершенно безосновательно и противозаконно. Я пожаловался в профсоюз, но бесполезно. Я решил подать жалобу на основании нарушения закона о равенстве, прописанного в уголовном кодексе. Сначала я пошел к юристам, откуда меня послали к прокурору, в конце концов, перенаправившему меня в полицию. Помню, как я сказал чиновнице, что я хочу подать жалобу о нарушении закона о равенстве. Она посмотрела на меня глазами, полными удивления: "нарушение закона о равенстве??" "Да, товарищ, я обвиняю управляющего гостиницей в расовой дискриминации!" Она впала в ступор. Начальник подразделения всерьез отнесся к моей жалобе. Началось расследование. В гостинице беспокойство. Следователь взялся за дело как следует, и управляющего перевели в другую гостиницу. Но потом я получил письмо от прокурора, в котором прочитал, что уголовный кодекс тут не при чем. Подать апелляцию было невозможно. Так все и угасло.

Фирма "Кубатур" искала гидов. Я сорвался с места и прилетел туда. С моим опытом работы в гостинице и знанием английского языка я идеально подходил на эту должность. Мне сказали, что менеджер уже ушел. Приходите завтра. Через пару дней я дожидался менеджера, и вдруг в приемную входят два молодых белых мужчины. Откуда ни возьмись возникает отсутствовавший менеджер. Когда я захотел присоединиться к ребятам, мне сказали, что больше нет мест.

Эта проблема касается всех хороших рабочих мест на Кубе. Большую часть своей жизни я работал генетиком на одном из передовых молочных предприятий Кубы, выращивая коров породы Гольштейн. Поначалу, когда я участвовал во встречах с персоналом более высокого уровня и замечал, что большинство окружающих были белыми, я никак не рефлексировал по этому поводу. Теперь я более внимателен. Слишком много раз в жизни мне доводилось видеть, как черных работников, более чем подходящих на определенную позицию, заменяли на белых. Так произошло и на моем последнем рабочем месте, на престижном фармацевтическом предприятии: они старались избавиться от всех чернокожих специалистов, а от меня и подавно (из-за моего активизма). Многие мои чернокожие коллеги

>>

Неоднозначный комментарий о расизме на современной Кубе. На резервуарах с водой в переулке Кальехон-де-Амель в центре Гаваны написано "Agua blanca, agua negra," [Белая вода, черная вода]. Это один из примеров уличного искусства, отдающего должное афрокубинской культуре. Фото Луизы Стеур.

ушли из-за агрессии и притеснений. В результате и я преждевременно вышел на пенсию.

В прошлом году наша организация написала открытое письмо в Центральный профсоюз Кубы, призывая их к осуждению расизма. Сделали ли они хоть что-нибудь? Нет. Нам необходимо, чтобы партия взялась за эту проблему, для начала хотя бы признав, что она существует. Пока этого не произойдет, ни одна организация гражданского общества не вымолвит и слова на эту тему. Мы все занимаемся "построением процветающего и устойчивого социализма".

"Процветающего и устойчивого" – звучит прекрасно, а что там у нас с расизмом? Все эти новые экономические реформы, привлечение иностранных инвестиций, помощь малому бизнесу - все это лишь усугубит расовое неравенство в этой стране.

ЛС: Касается ли проблема расизма на Кубе в основном более квалифицированных чернокожих работников?

НМК: Основная проблема, связанная с расизмом на Кубе, – это бедность. Многие молодые чернокожие не могут себе позволить высшее образование. Вместо учебы они выполняют множество мелкой работы, чтобы просто прокормить семью. Почему же мы можем привезти почти тысячу пакистанских молодых людей и бесплатно дать им медицинское образование, но мы не можем сделать того же для кубинской молодежи, которой не хватает денег на учебу? Эта революция совершалась "бедными для бедных", а теперь учиться могут лишь те, чьи семьи могут это себе позволить.

Вы знаете, что на Кубе сотни гектаров земли поросли травой, потому что люди не хотят работать на земле. В то же время мы видим всех этих людей, что переехали в город, но не могут найти адекватного жилья. Я считаю, что нужно найти чернокожих, желающих переехать в деревню, и основать сельскохозяйственное сообщество. Конечно, им потребуется огромная поддержка, вложения, трактора и т.д. Почему бы не попросить какие-нибудь НКО об оказании финансовой помощи такому проекту? Конечно, в таком случае государству придется передать эту землю им в собственность. Но в наше время земля продается на каждом углу, так почему бы и нет? На Кубе в XIX веке некоторые фермы принадлежали свободным чернокожим, особенно в провинции Ориенте. Многие свободные чернокожие воевали против Испании в Кубинской войне за независимость. Они покинули свои фермы, чтобы вступить в Армию освобождения. Но американские компании скупили их земли, потому что права собственности не были правильно зарегистрированы. Что случилось с этими чернокожими? Они были готовы к протесту. Чтобы вернуть свои земли, они присоединились к восстаниям 1912 года в провинции Ориенте, организованным "Независимой партией цветных". При подавлении восстания многие из них были убиты.

Подобная программа переселения, в сущности, решила бы вопрос исторической справедливости. Наделение этих людей землей было бы прекрасным и благородным жестом со стороны властей. Можно назвать ее программой исторической справедливости для черных семей. Если кто-то белый хочет присоединиться, почему бы и нет? Но именно в случае черных это один из немногих способов улучшения их экономического положения.

ЛС: На что вы сейчас живете? Где Вы находите ресурсы для Черного Братства?

НМК: Я живу на пенсию, которую выплачивают в песо, и это непросто. По ночам я работаю охранником у одного богача за 30 долларов в месяц. Непросто что-то организовать, когда денег так мало - люди, путешествующие издалека, ожидают, что их хотя бы накормят. Иногда нам приходится откладывать встречи, потому что у нас просто нет ресурсов, и все мы заняты сведением концов с концами... Но люди хотя бы знают, что мы занимаемся этим искренне, а не из каких-то скрытых, тем более корыстных, интересов. И мы будем продолжать, это точно. Не могу себе и представить, что моим внукам придется столкнуться с теми же проблемами, что пережил я, или даже хуже, вернуться туда, где мы были до революции. ■

Корреспонденцию присылайте Луизе Стеур на адрес
luisasteur@yahoo.co.uk
и Норберто Месе Карбонеллю на адрес
nmesacarbonell@gmail.com>

> Новости из Гаваны сбивают... с ног[1]

Луиза Стеур, Копенгагенский университет, Дания

Мусоровоз в центре Гаваны.
Фото Луизы Стеур.

Памятный день в Гаване – 17 декабря 2014 года. В этот день президент Обама объявил, что США и Куба восстановят дипломатические отношения в полном объеме. Хуан, ярый сторонник Фиделя, в прошлом боксер, а теперь дворник, услышал об этом из сломанного телевизора, однажды найденного им в мусорном баке и затем отремонтированного и установленного в крошечном офисе коммунальной службы, дворники которой подметают улицы в районе Сентро Гавана. Из речи Рауля Кастро Хуан узнал о том, что вся *Героическая кубинская пятерка*, отбывавшая длительный срок в США, наконец, на свободе. Этой новости Хуан страшно обрадовался: наконец-то выполнены требования, которые в течение стольких лет озвучивали на демонстрациях и которыми расписывали стены в Гаване. Но к вечеру, возвращаясь к своей ежедневной *lucha* (борьбе), состоящей в обыске мусорных баков на предмет наличия жестяных банок, которые можно продать и получить наличные, он становится участником менее пафосного разговора со своими коллегами по дворницкому цеху: неужели Героям по возвращении на родину выдадут всю зарплату, которую они должны были получить за время тюремного заключения? Да к тому же подарят автомобиль и дом? На несколько вымученное и кажущееся обязательным замечание Хуана о том, что никакая выплата не может компенсировать годы страданий в американской тюрьме, его коллеги отвечают скептическим молчанием.

Соседка Хуана, Мари, смотрит новости по нелегальному каналу, вещающему из Майами, на плоском телевизоре ее начальницы. По телевизору показывают обезумевшую от горя дочь американского пилота, сбитого кубинскими военными после того, как один из *Пятерки* проинформировал кубинские власти о том, что дочь называет «гуманитар-

>>

ной интервенцией», а Куба посчитала «террористическим актом». У хозяйки, на которую работает Мари, есть домик, который она сдаёт туристам и в котором Мари убирается. Она призывает Мари не сидеть сложа руки и приступить к работе. «Эта девчонка,- бубнит хозяйка, - только и мечтает поехать работать в Мексику. Она себе даже не представляет, что такое настоящая работа *при капитализме*!» Когда хозяйка уходит, Мари восклицает: «Ведьма! Посмотрим, как она тут справится без меня. Да не будь меня, туристы бы и не сунулись в этот домишко!»

Она оптимистично добавляет, что теперь, учитывая все новости, совсем нет нужды ехать в Мексику, ведь экономика Кубы вновь зацветет пышным цветом, приедет много туристов, жизнь наладится. Но наладится ли она у таких ребят, как Хуан и Мари? Как и многие их соотечественники, они надеются, что изменения приведут к лучшему. Открытая экономика обеспечит приток долларов, качество жизни вернется на тот уровень, что был до 1989 года, когда благодаря карточкам всем более-менее хватало еды и все граждане пользовались прекрасными возможностями в сфере образования и здравоохранения. Лишь немногие принимают во внимание тот потенциальный вариант, что Куба вступает на тропу постсоциализма, отмеченную приватизацией, маркетизацией, государственной трансформацией и усугублением неравенства.

Посмотрим на Хуана: за уборку улиц государство жалует ему 800 песо в месяц - около 32 долларов - больше, чем его начальникам на том же предприятии. Но многие из его боссов занимаются приобретением собственности, которую сдают в аренду туристам по цене около 30 долларов в день. Они поддерживают международные сети и в целом превращают свои организационные прерогативы в доходные узлы системы рыночных отношений. Единственная надежда Хуана на дополнительный доход на стороне - его тележка для сбора мусора, да соседи, которые, может быть, нет-нет, да и попросят его убраться после какого-нибудь мероприятия. Его продуктовая карточка позволяет приобрести лишь базовые продукты - не овощи, не мясо и не молоко, которое жизненно необходимо человеку с хронической язвой желудка. Прожив десять дет в Гаване, он так и не обзавелся пропиской. Без рецепта врача ему приходится покупать омепразол на черном рынке. Его тревогу усугубляют слухи о том, что сфера государственных муниципальных услуг будет преобразована в систему “кооперативов”, в результате чего, возможно, повысятся зарплаты, но и “лишние” работники попадут под сокращение. Кто знает, возможно, Хуану не повезет, и он окажется именно во второй злосчастной категории?

У Мари есть прописка и достаточно наличных денег, чтобы заставить социалистическую сферу услуг работать на пользу ей самой и ее семье. Но как самозанятый работник *(cuentapropista)* - растущая категория занятости на Кубе - она зарабатывает не более 40 долларов в месяц, без страховки, без бонусов, без пенсии, то есть даже без малой толики социального пакета. Поскольку работодатель отказывается ее регистрировать, проверяющие требуют взяток. Работодатель Мари вычитает эти деньги из ее зарплаты, в результате чего ее зарплата снижается до нуля, и она впадает в тотальную зависимость от туристических чаевых. Мари и ее работодатель спорят о том, что же привлекает туристов в этот домик. Однако совершенно ясно, что их переговоры заражены структурным неравенством: даже с чаевыми Мари зарабатывает лишь 25 долларов в неделю, а ее начальница - 50 долларов в день. Мари едва сводит концы с концами, и вполне вероятно, что ее ожидает старость без пенсии и каких-либо сбережений.

Эти истории, к сожалению, болезненно напоминают случившееся в Восточной Европе после развала социалистической системы. Новые “кооперативы” оставили многих работников ни с чем, а бывшие государственные управленцы превратили свои организационные прерогативы чуть ли не в права собственности, с энтузиазмом поддерживая дальнейшую приватизацию. На Кубе растущий класс городских кулаков - владельцы собственности, бенефициары туризма и продажи недвижимости - могут настоять на дальнейшей дерегуляции, охране права собственности и снижении налогового бремени. Все эти шаги будут предприняты за счет множества простых рабочих и еще сильнее расшатают и так ослабевающую социалистическую систему социальной безопасности.

Конечно, Куба - вовсе не Восточная Европа. Социализм на Кубе строился на фундаменте настоящей, долгожданной, выверенной и старательно подготовленной революции, а не насаждался советской оккупацией. На Кубе социализм и революция совершенно автохтонны. Это хорошо заметно по тому, как гордятся собой рабочие, какой оживленной популистской социалистической жизнью живет Центро Гавана. В меняющемся международном контексте Куба, возможно, могла бы пойти по новосоциалистическому, а не постсоциалистическому пути, однако для этого необходимо признать и вынести на публичное обсуждение потенциальные риски постсоциалистического развития. ■

Корреспонденцию отправляйте Луизе Стеур на адрес luisasteur@yahoo.co.uk

[1] Я проводила полевую работу в Гаване с сентября 2014 года по январь 2015 года в Центре культуральных исследований имени Хуана Маринелло. Я благодарю участников Международного семинара по социо-культурной антропологии, в организации которого я принимала участие (9-12 января 2015 года), а также членов Комиссии по глобальным трансформациям Международного союза антропологических и этнологических исследований за интересные комментарии, использованные в настоящей статье.
Имена людей, упомянутых в статье, заменены на псевдонимы. Некоторые детали их биографии являются плодом воображения автора.

> Движение подсолнухов
и боевая готовность тайваньской социологии

Мин-Шо Хо, Национальный университет Тайваня, Тайвань

Движение подсолнухов в Тайване подвергает сомнению публичную роль социологии.

В знак протеста против радикального соглашения по либерализации торговли с Китаем студенты университетов Тайваня штурмовали национальное законодательное собрание вечером 18 марта 2014 года. Внезапно последовала 24-дневная оккупация парламента, а затем и крупномасштабный политический кризис. Полгода спустя так называемое Движение подсолнухов явилось источником вдохновения для гонконгской Революции зонтиков. Это был, возможно, самый большой и длительный эпизод коллективного конфликта на Тайване, где наблюдается рост протестной активности с момента возвращения к власти консервативной партии Гоминьдан в 2008 г. В конце концов, Движение подсолнухов мирно рассосалось, добившись того, что рассмотрение спорного соглашения о свободной торговле было приостановлено.

В Тайване нет традиции гражданского неповиновения, и его консервативная в целом политическая культура не предоставляет благодатной почвы для радикальных протестов. Тем не менее, Движение подсолнухов получило значительную поддержку населения, по крайней мере, по трем пересекающимся причинам. Во-первых, оно встало на защиту демократических процедур, потребовав большей прозрачности и контроля над международными соглашениями. Во-вторых, оно выступило с протестом против свободной торговли; и в-третьих, оно выразило стремление к националистической мобилизации против Китая. В этом атипичном анти-режимном протесте даже присутствуют элементы социальной защиты по Поланьи, так как территориальные амбиции Китая по поводу Тайваня в настоящее время переформулированы в терминах “поощрения экономического обмена через пролив”. При этом такой обмен, как правило, действует на руку крупным корпорациям в ущерб наемным работникам и демократии.

Тайваньское социологическое сообщество - как преподаватели, так и студенты - с головой окунулись в этот беспрецедентный протест. В ответ на призыв лидеров Подсолнухов к общенациональному классовому бойкоту, факультеты социологии в Университетах Цинхуа, Тайбэя, и Сунь Ятсена приостановили преподавательскую деятельность, вопреки воле топ-администраторов и Министерства образования. Многие профессиональные социологи провели своеобразную форму итальянской забастовки, перенеся лекции по социологии с территории кампуса к стенам осажденного парламента. В экспериментальной попытке создания делиберативной демократии среди участников

>>

протеста некоторые студенты и преподаватели приняли участие в совместных дискуссиях о свободной торговле и безработице среди молодежи. Многие студенты социологических факультетов, от Чэнь Вэй-тиня (харизматического лидера Движения подсолнухов из Университета Цинхуа) до анонимных добровольцев и участников, поселились в палаточном городке у осажденного парламента. После онлайн голосования, в котором лидеры тайваньской социологической ассоциации проголосовали единогласно, TCA 25 марта опубликовала заявление в поддержку движения. В ноябре, в качестве жеста признания студенческого активизма, TCA предложил Вэй Яну, одному из главных студентов-активистов, выступить с речью на ежегодной встрече ассоциации.

Конечно, нашлись социологи, которые с неодобрением отнеслись к профессорскому участию в протесте. Когда в бюллетене TCA была опубликована статья с разгромной критикой политического участия ученых как нарушающего "ценностный нейтралитет», последовал ответ в защиту обвиняемых в попрании золотого правила. Разгорелась дискуссия о релевантности веберианской концепции ценностного нейтралитета ученых в современном мире. Важно отметить, что дебат о миссии социологии и ее общественной роли доказывает, что наша дисциплина активно развивается!

Участие тайваньского социологического сообщества в протестах, естественно, не могло остаться без внимания консерваторов, агрессивно реагировавших на происходящее. Депутат от партии Гоминьдан публично отчитал социологов за то, что те "не занимаются ничем полезным, только подстрекают студентов к демонстрациям", и попросил Министра образования проследить за поведением социологических факультетов в государственных университетах. Консервативная клевета спровоцировала многих на написание статей в защиту критического духа социологии - вот он, самый подходящий момент для рассказа обществу о важности нашей дисциплины! Волна телефонных звонков на факультеты социологии от недовольных неизвестных оказалась источником даже большего раздражения, чем комментарии правящей партии: большинство звонящих отказывались представиться и вовсе не стеснялись в выражениях. На факультет социологии Университета Сунь Ятсена поступил звонок от человека, представившегося родителем студентки. Он осудил решение факультета приостановить регулярные занятия, так как это, по его выражению, навредило его дочери, которая якобы должна была получить диплом в течение трех месяцев. (На самом деле, факультет был создан совсем недавно, и во время протестов на нем не училось ни одного четверокурсника.)

В целом же непосредственное воздействие Движения подсолнухов на тайваньскую социологию скорее можно охарактеризовать как положительное. Благодаря нашим уличным итальянским забастовкам, делиберативной демократии и множества публикаций в газетах увеличилась публичная видимость нашей дисциплины. Все больше студентов-участников протестов в настоящее время испытывают интерес к социологии, потому что ее концептуальные инструменты хорошо подходят для изучения механизмов сохранения, воспроизводства и оспаривания власти в современном обществе. В 2015 году вдвое увеличилось число заявлений в магистратуру и аспирантуру по социологии в Национальном университете Тайваня, и многие абитуриенты отмечают, что их личный опыт участия в Движении подсолнухов послужит основным мотивом для продолжения обучения на более высокой ступени.

Хотя мы не можем предугадать долгосрочные последствия Движения подсолнухов, прошлый опыт может служить приблизительным ориентиром наших представлений. Движение "Диких Лилий" 1990 года, успешный демократический протест, инициированный студентами, обеспечил приток новых студенческих кадров в нашу дисциплину. Многие бывшие студенты и активисты сегодня являются сорока- и пятидесятилетними профессиональными социологами. Их учеба и исследовательская работа привели к тому, что тайваньская социология стала активно развивающейся дисциплиной, активно реагирующей на насущные проблемы современности. Наступит время, когда и поколение Подсолнухов вновь изменит контуры нашей дисциплины. ■

Корреспонденцию направляйте Мину-Шо Хо на адрес mingshoho@gmail.com

> Какое движение сильнее?

Рабочее или экологическое?

Хуа-Чжэн Лю, Национальный университет Тайваня, Тайвань, ИК МСА по рабочему движению (ИК 44)

Демонстрация против атомной энергетики в Тайване после катастрофы на Фукусиме, 30 апреля 2011 г. Фото Хуа-Чжэн Лю.

Чун Таэ-Ир, рабочий корейской текстильной фабрики, 13 ноября 1970 года возглавил демонстрацию из десяти человек против бесчеловечных условий труда с требованиями «девятичасового рабочего дня и четырех выходных дней в месяц».Когда манифестация подошла к концу, Чун поджег себя, закричав “Мы не машины! Соблюдайте трудовой кодекс!” Самосожжение Чуна и борьба, на которую оно вдохновило общество, положило начало демократическому профсоюзному движению и обнажило глубокие конфликты в сфере труда при существовавшей модели развития, разработанной военной хунтой.

Четырьмя месяцами ранее на Тайване 95 крестьян потребовали выплаты финансовой компенсации и релокацию соседнего предприятия пищевой промышленности, осуществившего сброс жидких токсинов в местную ирригационную систему, в результате чего гибель урожая на сельскохозяйственных угодьях продолжалась в течение двух лет. Этот эпизод, наряду с 64 подобными петициями, пикетами и иными конфликтными тактиками, предпринятыми в этом же году, отметили первый пик тайваньской мобилизации против загрязнения окружающей среды, цель которой заключалась в остановке бесконтрольного и безоглядного промышленного роста, пропагандируемого государством.

Ни протест Чуна, ни требования тайваньских крестьян не были единичными случаями, и они указывают на процессы, нуждающиеся в осмыс-

>>

Похороны двух рабочих, совершивших самоубийство во время Национального трудового протеста. 13 ноября 2003 г. Фото Хуа-Чжэн Лю.

лении. Структурные сходства Кореи и Тайваня, касающиеся колониального наследия, авторитарного правления и стремительной индустриализации привели к сходным жестким условиям труда и разрушительным последствиям для окружающей среды. При этом общественные движения стали развиваться по совершенно непохожим сценариям. Хотя корейское рабочее движение и тайваньское природоохранное движение начали формироваться в один и тот же исторический момент, потребовалось еще десять лет, чтобы экологическая деградация в Корее и эксплуатация труда на Тайване смогли вызвать массовую озабоченность в обществе. Мы видим значительные структурные сходства между Тайванем и Кореей. Возникает вопрос: почему рабочее и природоохранное движение в этих странах развивались в противоположной последовательности?

Ответ кроется в конкретных характеристиках силы движения, наделяющих его способностью менять мир в контексте государства развития и в контексте корпоративной экономики. Сила рабочего движения – его способность достигать своих целей - заключается в незаменимой роли рабочих в системе производства и оказания услуг. Отказываясь от работы, рабочие могут препятствовать капиталистическому получению прибыли. У природоохранного движения, напротив, отсутствует какая-либо структурная организационная сила, необходимая для достижения цели, и потому оно полагается на силу иного характера - дискурсивную способность убеждения общественности в ценности новой идеологии на основании уверений в собственном стремлении к достижению универсального всеобщего блага.

Хотя в 80-е годы и Корея, и Тайвань были авторитарными государствами, они приняли разные стратегии реакции на общественные движения. Корейское государство занималось жестким подавлением, тайваньское - хитрой инкорпорацией. Эти стратегии оказались успешными в усмирении корейского экологического и тайваньского рабочего движения, однако корейское рабочее движение нашло способ сопротивления репрессиям, как и тайваньские крестьяне, сумели найти достойный ответ на политику государства.

Когда рабочее движение в Корее подверглось жесткому подавлению, а его требования оставались без внимания правительственной верхушки, профсоюзы нашли спасительные лазейки, позволившие усилить организационные инфраструктуры и укрепить солидарность рабочих. Попытки государства свести движение «на нет» не принесли результатов. Когда тайваньские - казалось бы, всемогущие! - власти не предприняли решительно никаких действий для устранения ужасающих последствий бесконтрольного загрязнения окружающей среды, пострадавшие и активисты научились обращаться с петициями к властям более высокого уровня, вступать в открытую конфронтацию и рассказывать о своей миссии всем, кто был готов слушать, в том числе используя ресурсы СМИ. Результатом стало широкое распространение природоохранной идеологии и постепенное накопление идеологической власти. По иронии, даже когда политический контекст препятствовал успешному исходу мобилизации, особенно поначалу, контекст все же играл на руку движению при условии следования определенным стратегиям. Таким образом, корейское рабочее движение консолидировало свои средства достижения цели, в то время как тайваньское экологическое движение довело до совершенства свои идеологические навыки. Именно поэтому первым в Корее зародилось рабочее движение, а на Тайване - экологическое.

Как только этим движениям удалось превратиться в основные оппозиционные силы, они запустили в своих странах паттерны успешной мобилизации протеста. Рабочее движение Кореи оставило после себя наследство бескомпромиссной воинственности и самоорганизации, а тайваньские экологические активисты продолжили прибегать к стратегиям, основанным на прагматизме, политических переговорах и компромиссах. Последующие движения - корейское экологическое и тайваньское рабочее - при выборе организационных и культурных стратегий шли по стопам предшествовавших им корейского рабочего и тайваньского экологического движений, соответственно.

Это сравнение выявляет две разительно отличающихся траектории общественных движений. В обеих странах рабочее движение отточило навыки борьбы через организацию профсоюзов в стратегических от-

>>

Демонстрация рабочего движения в Южной Корее, 13 ноября 2003. Фото Хуа-Чжэн Лю.

раслях промышленности - таких как автомобильная, нефтехимическая, почтовая и судостроительная. Оба природоохранных движения максимизировали идеологическую власть, оттачивая искусство пиар-кампаний и продвижения на первые полосы газет.

Однако усиление власти движения не прошло даром. Организованное рабочее движение обвинялось в «рабочем аристократизме» отчего приток новых членов значительно сократился. База поддержки продолжила разрушаться, когда капитал передислоцировал предприятия, отменил систему пожизненных трудовых гарантий и нанял "неорганизуемых" мигрантов и случайных рабочих.

Тем временем в обеих странах охрана окружающей среды стала частью публичного дискурса. Появились новые сильные противники. Правительственные природоохранные агентства, консалтинговыые фирмы, частные исследовательские институты - все пожелали оспорить монополию природоохранного движения на формирования экологического дискурса. Затем экологические движения Тайваня и Кореи продолжили проигрывать битвы с корпоративной властью, частично потому, что они забыли включить в свои программы пункты об экономическом выживании бедных и ущемленных.

Во времена кризиса и рабочее, и экологическое движения старались усилить свои позиции и привлечь новых сторонников на фронте идеологической борьбы. Так, рабочее движение стремилось сформулировать свою программу в терминах широкого общественного интереса, а экологическое движение старалось разработать программу, которая позволила бы нейтрализовать превосходство корпораций.

Во время кризиса увеличились шансы на формирование истинного альянса рабочего и экологического движений, так как обе стороны начали сочувствовать друг другу, с пониманием относиться к требованиям друг друга и ценить накопившийся опыт. Рабочие в обоих случаях показали себя как сильные низовые организации, но слабые производители дискурса, в то время как у экологов все было с точностью до наоборот. Каждое движение обладает определенным набором навыков и органических талантов, недостающих у его коллег (и очень им необходимых).

Наш сравнительный анализ подчеркивает взаимную комплементарность рабочего и природоохранного движений. Мы применили понятие «силы движения» для анализа возникновения и траекторий мобилизации. Случаи Тайваня и Кореи показывают основательный характер альянсов рабочего и экологического движения. Это сравнение должно заставить ученых и активистов иначе посмотреть на прошлое (и будущее) рабочего и экологического движений, двух сил, в современном мире оказавших значительное влияние на общественную жизнь и наше представление о будущем.[1] ■

Корреспонденцию отправляйте Хуа-Чжэн Лю на адрес hjliu@ntu.edu.tw

[1] Более подробное изложение проблемы можно найти в книге *Leverage of the Weak: Labor and Environmental Movements in Taiwan and South Korea* («Как слабые достигают цели: рабочие и экологические движения в Тайване и Южной Корее«), 2015, University of Minnesota Press.

> Сжатое родительство на Тайване

Пэй-Ча Лань, Тайваньский национальный университет, Тайвань, член ИК МСА по вопросам семьи (RC06) и по вопросам рабочих движений (RC44)

Советы родителям, всё увеличивающиеся в своей массе, предполагают, что идеальной нормой является нуклеарная семья, принадлежащая к среднему классу. Это обложка руководства "Счастливая семья 123", выпущенного правительством города Синьбэй.

Уровень рождаемости в Тайване в настоящий момент является одним из самых низких в мире. Воспитывая своих как никогда драгоценных и ранимых детей, тайваньские родители постоянно обращаются к советам экспертов, часто исходящим от западных специалистов, чтобы обеспечить внимание к нуждам и эмоциям своих детей. Почему родители сегодня подвергаются всё большему давлению, сталкиваются с повышенной тревожностью и неуверенностью, несмотря на широкий доступ к культурным и рыночным ресурсам? В своем исследовании я рассматриваю этот вопрос, опираясь на данные наблюдений в школах, дискурсивный анализ и глубинные интервью с родителями в более чем 50 семьях из разных социально-экономических слоев.

Связь между родительством и классовым неравенством уже долгое время является критической темой в социологии. Однако литература по этой теме страдает, по словам Андреаса Виммера и Нины Глик Шиллер, «методологическим национализмом». Ученые склонны анализировать классовые различия в одном-единственном обществе как замкнутой аналитической единице. Они упускают из виду тот факт, что разные общества формируются в процессе отношений обмена и взаимного влияния.

Тайвань – стратегически важное место для *глобальной* социологии. Глобальный подход в социологии предполагает, что вопрос географического пространства является ключевым в процессе производства знаний, и провинциализирует теории и концепции европоцентричной социологии. В моем исследовании родительство представляет собой эмпирическую линзу, позволяющую рассмотреть то, каким образом глобализация влияет на сферы семейной жизни и классового неравенства. Публичный дискурс о воспитании детей претерпел значительную трансформацию в послевоенном Тайване. До войны дети в первую очередь воспринимались как будущие трудящиеся, которые внесут свой вклад в строительство военного национализма. После войны дети получили статус будущих здоровых граждан, подчиняющихся биополитической власти. Следовательно, изменились и роли родителей. Теперь вместо того, чтобы в первую очередь обеспечивать соблюдение детьми дисциплины, они все чаще рассматриваются как получатели советов по воспитанию.

Многие аналитики полагают, что современные понятия о детстве и родительстве были порождены индустриализацией, урбанизацией и спадом рождаемости. Эта точка зрения подразумевают *модернизацию* – подход, в рамках которого западная *модерность* считается универсальной моделью, а неравенство во властных отношениях и культурные особенности разных стран мира игнорируются.

>>

Согласно другой распространенной точке зрения, глобальное сближение родительства и детства является примером «макдональдизации», происходящей под разрушительным воздействием глобального капитализма. Еще один взгляд утверждает, что это результат общемировой циркуляции научных знаний о развитии ребенка и раннем образовании. Обе версии рискуют свести глобализацию к экзогенному фактору и обойти вниманием стремление локальных обществ приспособить глобальные элементы под свои нужды, индигенизировать и гибридизировать их.

Южнокорейский ученый Чан Кюн-Суп использовал концепцию «сжатой модерности» для описания цивилизационных условий, где экономические, политические, социальные и культурные изменения происходят стремительно, как бы сжимая пространство и время. Различные компоненты многих цивилизаций – традиционных, модерных и постмодерных – сосуществуют с локальными, иностранными и глобальными элементами. В обществах сжатой модерности они дополняют друг друга и подвержены взаимовлиянию. Я предлагаю использовать понятие «сжатое родительство» для описания меняющихся, сложных и часто противоречащих друг другу родительских практик в контексте сжатой модерности. Этот паттерн можно применить к Тайваню и многим другим регионам Глобального Юга.

Сжатое родительство включает в себя три аспекта. Во-первых, ускоренное и скачкообразное экономико-политическое развитие Тайваня, включая стремительную индустриализацию и демократизацию, привело к межпоколенческой мобильности и развитому гражданскому обществу. Родители из среднего класса жалуются на свое «потерянное детство», которое они провели в бедном авторитарном Тайване. Они намерены порвать с традиционным воспитанием и вырастить своих детей в атмосфере счастья и автономии. Перемены в стиле воспитания детей становятся маркером идентичности, с помощью которого многие родители подчеркивают вертикальную мобильность и космополитизм своей семьи.

Тем не менее, тайваньские родители, принадлежащие к среднему классу имеют отчетливую ориентацию на обеспечение своим детям глобального будущего. Многие стремятся «культивировать глобальную конкурентоспособность» и стратегически отдают детей в английские детские сады, элитные школы и американские летние лагеря. Таким образом они стремятся развить глобальный культурный капитал своих детей.

С другой стороны, все большее число родителей придерживаются противоположной стратегии «естественного роста». Для них «естественное развитие» ребенка важнее, чем то, что они воспринимают как вредоносное вмешательство родителей и институтов. Многие такие родители выбирают программы альтернативного обучения, пользуясь достижениями западной педагогики и объявляя войну учебникам и экзаменам.

Теперь мы перейдем ко второму аспекту сжатого родительства. Культурные сценарии родительства, отражающие новые глобальные влияния, часто противоречат тайваньской реальности. К примеру, родителям часто рекомендуют посвящать значительное время общению и времяпрепровождению с детьми. Однако на большинстве рабочих мест в Тайване присутствие детей не приветствуется. Воспитание детей в семьях, где оба родителя работают, сильно зависит от школьных программ продленного дня или же родственных сетей. Несмотря на нарратив «пропасти между поколениями», родители вынуждены полагаться на бабушек и дедушек, проживающих вместе с ними или неподалеку.

Кроме того, родители, как правило, сталкиваются с сильным несоответствием родительских ценностей и крупных институциональных сред. Несмотря на то, что родители придерживаются представлений о счастливом детстве, они беспокоятся о том, чтобы их дети научились выживать в условиях жесткой конкуренции – ведь это им понадобится при поступлении в лучшие школы и университеты мира. Часто родителей также волнует, смогут ли их прямодушные дети-индивидуалисты в будущем приспособиться – культура большинства тайваньских корпораций все еще строится на коллективизме и властной иерархии.

Наконец, сжатое родительство имеет несколько разновидностей в зависимости от классовых особенностей. Ведь глобализация и сжатая модерность по-разному влияют на родителей, принадлежащих к разным социально-экономическим классам. Глобализация предлагает больше возможностей и ресурсов семьям, обладающим достаточным экономическим или культурным капиталом. Те, кто не может позволить себе переезд в другую страну, скорее окажутся в невыгодном положении или станут жертвами маргинализации.

За последние десять лет отток капитала и приток рабочей силы в Тайвань особенно повлияли на уровень надежности трудоустройства мужчин рабочего класса. Многие из тех, кто не нашел свое счастье на родине, женятся на девушках из Юго-Восточной Азии и Китая, создавая новый тип глобальной семьи. К тому же новые родительские сценарии – особенно новый запрет на телесные наказания дома и возросшее ожидание участия родителей в школьной жизни – несут в себе имплицитное предположение, что у родителей достаточно свободного времени на общение с детьми. Родители из рабочего класса, матери-иммигрантки и другие социально неблагоустроенные родители все чаще становятся объектами общественной критики и получают ярлык «семей высокого риска».

Концепция временного и пространственного сжатия помогает объяснить, почему родительство в современном Тайване стало сложным проектом, требующим больших усилий, однако плодотворным и стоящим этих усилий. В перспективе глобальной социологии, западная литература стремится свести трансформацию родительских дискурсов к эндогенному процессу и не занимается исследованием внутрикультурных исторических конструктов семьи. Мы должны изучить то, каким образом в критическом контексте глобализации формируются родительские стратегии накопления капитала, а также как этот контекст влияет на детей из разных социальных слоев, экономических классов и стран. ■

Корреспонденцию присылайте Пэй-Ча Лань на адрес pclan@ntu.edu.tw

> Начало конца:

Тайвань в XXI веке

Тун-Хун Линь, Академия Синика, Тайвань, член исследовательских комитетов МСА по социальной стратификации (ИК 28) и социологии катастроф (ИК 39)

За последние три десятилетия Тайвань претерпел значительные экономические, политические и социальные изменения. Однако большая часть социологической литературы об этом островном государстве все еще фокусируется исключительно на его “истории успеха” в области развития. Общепринятое представление о Тайване обязательно включает следующие компоненты:

• сильное и рациональное “государство развития”, возглавляемое авторитарными технократами партии Гоминьдан (ГМД), сумевшими достичь индустриального скачка через политику выбора в пользу сильнейшего.

• активная экспортно-ориентированная (глобализованная) экономика, построенная на успешной земельной реформе в сочетании с индустриальной структурой, в которой преобладают предприятия малого и среднего бизнеса (МСБ),

• высокие темпы восходящей мобильности благодаря распространенности малого предпринимательства, тотальной занятости и росту среднего класса.

С другой стороны, признаются и некоторые “изнаночные” моменты тайваньских реалий, а именно то, что это патриархальное общество, в котором гендерная дискриминация под влиянием традиционной конфуцианской культуры сохраняется в семье, сфере образования и на рынке труда. Рассказ обычно заканчивается словами о мирном демократическом транзите, основанном на поддержке умеренного среднего класса (таблица 1).

Однако с 2007 года история о “Тайваньском чуде” вызывает все больше вопросов, особенно в контексте нескольких волн финансового кризиса в Азии и Великой Рецессии. Когда бывшие авторитарные элиты партии ГМД вернулись к власти в 2008 году, технократы обвинили в политиче-

Меняющаяся парадигма тайваньского развития

	Парадигма “Чудо”	Парадигма “Развал”
Государство	Авторитарное, автономное и ориентированное на развитие	Хищническое и коррумпированное государство, не подотчетное до наступления демократизации
Экономика	Местные частные предприятия СМБ преобладают в экспортно-ориентированной экономике	СМБ испытывает спад. Утечка монополистического капитала в Китай, где в погоне за прибылью эксплуатируются мигранты
Социальная стратификация и мобильность	Предпринимательство в сфере малого и среднего бизнеса, растущий средний класс, сильная восходящая мобильность, низкий уровень безработицы	Деиндустриализация, рост классового неравенства. Классовое воспроизводство вместо классовой мобильности. Высокая безработица среди молодежи.
Гендер, семья и демография	Конфуцианская патриархальная семья, гендерная дискриминация в сфере образования и на рынке труда, ранний возраст вступления в брак, низкий уровень разводов, успешные механизмы контроля рождаемости	Смягчение гендерного неравенства; распад семьи; уровень разводов сходный с показателями в США; крайне низкий уровень рождаемости; стремительно стареющее общество
Политическая динамика и политические размежевания	Авторитарное партийное государство ГМД против местного гражданского общества; значительное размежевание между этнической и национальной идентичностями	Рост демократических ценностей, классового сознания и чувства поколенческой несправедливости среди молодежи: “Движение подсолнухов” против влияния Китая

>>

ском хаосе демократию, а также политику Демократической прогрессивной партии, нацеленную на укрепление независимости. Администрация партии ГМД следовала более неолиберальному курсу, нацеленному на развитие и расширение торговли с Китаем. С марта 2014 года, когда общественное беспокойство, вызванное ростом влияния Китая, вылилось в крупнейшее с 1990х гг. студенческое движение, общественные дебаты (в том числе критика курса властей на сближение с Китаем и поддержки партией ГМД крупного бизнеса в ущерб малому и среднему) бросили вызов "парадигме чуда".

Последние исследования критикуют тайваньское "государство развития", утверждая, что консервативная коррумпированная политическая коалиция содействовала авторитаризму ГМД, подавляя активный МСБ и политическое участие тайваньцев. Эти исследования обращают внимание на сходную критику в адрес китайского стремительного экономического развития и "авторитарной непробиваемости" партии-государства. В контексте экономического спада в Китае государство и его чиновники все более походят на хищников, несмотря на все уверения в ориентированности на развитие. Если пересмотреть опыт Тайваня, то мы увидим, что существует значительно лучшее объяснение связи экономического роста с сильным авторитарным государством: первое способствовало второму, а не наоборот, в то время как социальное государство и режим гражданства стали политическими проблемами лишь в ходе демократизации.

С начала 1990х гг. значительные изменения в структуре промышленности Тайваня вызваны крупными объемами инвестиций тайваньских корпораций в Китае. Доля среднего и малого бизнеса в общем объеме экспорта упала с 76 до 18 процентов. Сегодня 82% тайваньского экспорта принадлежит крупным компаниям. Средний и малый бизнес был смещен с лидирующих позиций монополиями и мультинациональным капиталом. Например, совокупный доход крупнейшей компании Тайваня - группы Hon-Hai (Foxconn) приблизился к цифре, равной 21% ВВП страны в 2013 году. Как можно судить по трудовым конфликтам в Foxconn, концентрация тайваньского капитала выигрывает от эксплуатации мигрантов в Китае и от экспроприации земель в системе китайского партийного авторитаризма.

Изменения в промышленной структуре Тайваня также оказывают влияние на социальную стратификацию в стране. В 90е городской средний класс состоял из работодателей среднего и малого бизнеса и квалифицированных работников, что привело к повышению показателей классовой мобильности. Когда в экономике наметился спад, однако, неравенство доходов и имущественное неравенство усугубились, а классовая мобильность значительно замедлилась. Как и в других постиндустриальных обществах, гарантии занятости были ослаблены, повысилась доля прекарной занятости и работающих бедных.

Единственная, пожалуй, хорошая новость во всем этом, - улучшения в сфере гендерного равенства. Гендерные различия в образовании и заработной плате постепенно снижаются, и теперь они меньше, чем у восточноазиатских соседей Тайваня. При этом значительных улучшений в плане дискриминации на рынке труда и в семейной сфере пока не происходит. Интересно и то, что брак способствует тому, что женщины чувствуют себя менее счастливыми. Более того, тайваньские женщины целенаправленно избегают брака и деторождения, чтобы сохранить рабочие места, автономию и заработок, в результате чего коэффициент брачности падает, число разводов растет и приближается к американским показателям, а уровень рождаемости - один из самых низких в мире.

Описанные нами экономические и социальные изменения оказали значительное влияние на политический пейзаж страны. Литература по политологии обычно посвящается на конфликтах авторитарной партии-государства ГМД и гражданского общества, но с начала демократического транзита в начале 90х углубление экономического неравенства и поколенческой несправедливости приводит к формированию новых политических размежеваний. Некоторые электоральные исследования указывают на то, что сторонниками демократической партии в основном являются голубые воротнички и крестьяне (в основном мужчины), а также молодые тайваньцы с более либеральными взглядами.

С 2008 года правительство ГМД пытается стимулировать экономику, кооперируясь с партией-государством Китая и стимулируя сотрудничество тайваньского и китайского большого бизнеса. Высказываются предположения, что "коалиция авторитарных капитализмов по обе стороны пролива" (в терминологии Дзе-мин Ву) стремится наладить экономическую и политическую интеграцию Тайваня и Китая, продвигая проект свободной торговли. Правительство проталкивает эту повестку, форсируя неолиберальную идеологию "просачивания благ сверху вниз" (trickle-down), движимую подразумеваемой ностальгией по авторитаризму ГМД. Это лишь усугубляет напряжение по линиям давно сложившихся в стране национальных, классовых и поколенческих делений.

Из-за характера трансформации складывается ложное представление о Тайване как модели развития. МСБ, считающийся двигателем экономического прогресса и роста в стране, испытывает серьезный спад. Большой бизнес и технократы партии ГМД, бенефициары сильного государства, выступают за свободную торговлю и открытость Китаю. Молодые тайваньцы страдают от роста безработицы, нисходящей мобильности, нестабильности рынка труда и застывшего уровня зарплаты, а также завышенных налогов и стоимости страховки. В книге, которая неожиданно стала социологическим бестселлером и источником идей для Движения подсолнухов, я утверждаю, что эти социальные изменения привели к напряженному поколенческому конфликту, повторяющему контуры углубляющегося классового деления.[1] Вместо размышлений о нашем "экономическом чуде" нам следовало бы, как призывают некоторые молодые ученые, подумать о необходимости смены парадигмы тайваньской социологии и обратить пристальное внимание на проблематику социального коллапса, который вполне может ожидать нас в будущем. ■

Корреспонденцию присылайте Тун-Хун Линю на адрес zoo42@gate.sinica.edu.tw

[1] Тун-Хун Линь и др. (2011) Поколение коллапса на Тайване: капиталистический кризис, бедность среди молодежи и самый низкий уровень рождаемости. Тайпей, Тайваньский трудовой фронт / Thung-hong Lin et al. (2011) A Generation of Collapse: Crises of Capitalism, Youth Poverty and the Lowest Fertility Rate in Taiwan. Taipei: Taiwan Labor Front

> О тайваньской социологии

в общем и в частности

Мау-Куэй Чанг, Академия Синика, Тайвань, член ИК 05 МСА по вопросам расизма, национализма и межэтнических отношений

Представить полный рассказ о нынешнем статусе социологии на Тайване не представляется возможным; и потому я лишь приведу несколько примеров того, каким образом мы занимаемся социологией в нашей стране. Начну с рассказа о самой последней ежегодной встрече Тайваньской социологической ассоциации (ТСА) в ноябре 2014 года. В течение последних двадцати лет эта встреча считалась важным событием для социологического сообщества (сегодня насчитывающего 500 человек) на нашем острове. В этом году конференция, проходившая в Национальном университете Цинь-хуа, состояла из нескольких форумов, посвященных судьбе Восточной Азии, и 64 сессий, на которых были представлены 180 докладов на темы, варьирующиеся от исследований политической экономии до вопросов постмодернистских субъективностей. Были приглашены особо почетные гости, представляющие такие организации как Корейская социологическая ассоциация, Японская социологическая ассоциация, а также китайские ученые из университетов в Гонконге.

Одним из самых запоминающихся моментов программы стал основной пленарный доклад. В качестве отступления от традиции для выступления был приглашен молодой аспирант Янь Вей, рассказавший о своем активизме и, в особенности о кампании по оккупации здания парламента, ставшей известной как “Движение подсолнечников” (см. статью Мин-Шо Хо в этом номере). Это неконвенциональное выступление отражает общую картину взглядов тайваньских социологов, многие из которых бросают вызов традиционным парадигмам серьезными дебатами о неравенстве, демократии, справедливости и гражданстве.

Однако, как и в других странах, члены ТСА занимают разные социально-политические позиции, у них разное социологическое воображение и разные профессиональные практики. В кулуарах участники конференции открыто выражали самые разнообразные мнения по поводу фактически официального одобрения движения Оккупай. Некоторые социологи, однако, выразили обеспокоенность в связи с политизацией ассоциации, которая, по их мнению, может подорвать профессиональный статус и испортить репутацию ТСА как научного сообщества. На Тайване такое происходило несметное число раз, поскольку наша дисциплина имеет достаточно длительную историю существования.

Но ТСА важна и для другой деятельности. Например, она выпускает рецензируемый “Тайваньский социологический журнал”, а также три информационных бюллетеня. Помимо этого, ведется блог “Социология на углу улицы” (см. статью Хун-Цзэн Вана в этом номере), простой и быстрый источник последних новостей и дебатов на актуальные темы.

Членство в ТСА пересекается с членством в других научных ассоциациях, в том числе Тайваньской ассоциацией феминистских исследователей, Ассоциацией культуральных исследований, Ассоциацией социального благополучия Тайваня, Тайваньской ассоциации социологических исследований науки и технологий и так далее. Переплетение и обмен со смежными областями дарят интеллектуальную энергию как социологии, так и широкому сообществу социальных ученых.

Теперь я расскажу вам о трех коллективных монографиях, выпущенных в последнее десятилетие, чтобы проиллюстрировать основные интересы тайваньских социологов. Каждая монография представляет определенный стиль: 1) конвенциональный, или мейнстримный, 2) транснациональный, или глобальный, и, наконец, 3) публичный. Мой отбор монографий очень краток, но тщательно выверен: все они были позитивно восприняты публикой и могут считаться репрезентативными в своей группе.

Издание “Социальные изменения на Тайване, 1985 - 2005: массовые коммуникации и политическое поведение” (под ред. М. Чанг, В. Ло, Х. Шю, 2013) представляет

>>

> *“Социология прочно укрепилась в ткани нашего общества”*

то, что мы могли бы назвать мейнстримом тайваньской социологии. Он включает статьи, анализирующие изменения в политическом участии и массовых коммуникациях на Тайване во время периода демократизации. Эти исследования основаны на статистических данных, собиравшихся в период с 1989 года в рамках проекта Тайваньского массового исследования социальных изменений. Данные исследования можно использовать для конструирования трендов в отношении гражданства, национальной идентичности, религии, гендера, семьи, занятости, глобализации и других ключевых концептов мейнстримной социологии. С 2002 года проект включает в себя модули Международной программы социальных исследований (International Social Survey Program) и из Восточноазиатского массового социологического опроса (East Asian Social Survey). Данные открыты для всех ученых мира и могут быть особенно полезными при проведении сравнительных исследований.

Коллективная монография “Пересекать или не пересекать: транснациональный Тайвань и транснациональность Тайваня” (под ред. Х.Ванг и П.Гуо, 2009) - пример “транснационального” аспекта социологии в стране. В ней социологи, антропологи и историки утверждают, что современный контекст высокой мобильности и стремительной глобализации заставляет нас интересоваться чем-то более широким, чем “нация-государство”. Данная работа написана в русле зарождающейся сферы исследований, посвященной потокам людей, капиталов и культурных паттернов, которые пересекают социальные и географические границы. Эта монография бросает вызов мейнстримным территориальным воззрениям на общество. Темы, которые охватывает монография, включают в себя исследования, посвященные женщинами-домработницам из Юго-Восточной Азии, глобальному расширению тайваньских буддистских ассоциаций, вопросам идентичности и гендера в браках с иммигрантами, а также реалиям тайваньских бизнесменов и женщин, делящих жизнь между Китаем и Тайванем.

Публичная социология представлена самым последним изданием сборника “Социология на углу улицы” (под ред. Х.Ванг, 2015). В нем опубликованы 34 статьи, вышедших из-под пера 37 авторов, которых попросили написать краткие эссе или комментарии доступным языком, объяснив социологические открытия массовому читателю. Эссе сгруппированы по следующим темам: политическая жизнь, трудности жизни, гендерные вопросы, жизнь на краю и альтернативный путь. Все статьи впервые увидели свет в качестве записей в блоге “Социология на углу улицы” (см. статью Хонг-зен Ванга в этом номере). В феврале 2014 года была создана фейсбук страница, которая привлекала более 3000 посетителей в день. В 2014 году каждая статья собирала как минимум 6 700 кликов, что значительно больше, чем на других подобных форумах. Несмотря на то, что все посты общедоступны, продажи печатной версии журнала побили все рекорды публикаций по социальным наукам на Тайване.

В прошлом озвучивалось мнение, что социология Тайваня страдает от отсутствия индивидуальности, что она слишком зависима от западной социологии. Оглядываясь назад, я осознаю, что мне придется согласиться с этим утверждением. Однако несколько поколений социологов подряд борются с трудностями, которые им подбрасывает жизнь, - попытками кооптации авторитарным государством, подозрениями со стороны культурных консерваторов, дебатами о туземизации науки перед лицом западного влияния и парадигматической борьбе тайвано-центризма с китае-центризмом. На сегодняшний день социология прочно укрепилась в ткани нашего общества. Социологи активно вовлечены в получение и распространение знания на благо общества. Некоторые важные концепты - класс, классовое воспроизводство, государство, господство, власть, общественное движение, гендер, гражданское общество, гражданство, а также глобализация - заняли прочное место в школьных программах и языке масс медиа.

Несмотря на очевидный успех социологии, ее ожидает еще много трудностей. Один из грядущих вызовов - старение населения и уменьшение числа университетских абитуриентов. Другая проблема - всеобъемлющий рыночный фундаментализм и глобальная конкуренция. Социологи и социологические институты испытывают на себе административное давление по стандартизации оценок исследовательской эффективности, что является поводом для изъятия ресурсов из “малоэффективных” дисциплин сферы гуманитарных и общественных наук. Более того, все эти трудности возникают параллельно с усугублением разных форм неравенства. Но ведь эти трудности не уникальны для тайваньской социологии! Итак, социологи всего мира шагают в будущее бок о бок.

Корреспонденцию присылайте Мау-Куэй Чангу на адрес etpower@gmail.com

> Социология на углу улицы

Хун-Цзэн Ван, Национальный университет Сунь Ятсена, Гаосюн, Тайвань, член ИК МСА по миграциям (ИК31)

Иллюстрация Арбу.

Распространение профессиональных знаний в академической среде Тайваня в ее нынешнем состоянии - задача не из легких: университетская администрация не поощряет такую «непродуктивную» деятельность. Любой социальный ученый, желающий участвовать в общественных делах, рискует быть заклейменным как «неакадемический». Некоторые ученые ведут собственные блоги, но частенько забрасывают их, потому что это требует немалых временных затрат.

В 2009 году несколько тайваньских антропологов провели эксперимент, запустив коллективный блог, который назвали guavanthropology и в котором еженедельно с целью популяризации антропологии публиковали короткую заметку. В первые несколько лет своего существования блог не привлекал значительного внимания общественности, но зато послужил примером для социологического сообщества.

При поддержке тайваньских социологов в феврале 2013 года дебютировал журнал Streetcorner Sociology («Социология на углу улицы») За два года было опубликовано более 130 статей, в качестве авторов выступили более ста тайваньских социологов. Журнал получил более двух миллиона просмотров, а многие записи появились в качестве репостов в различных масс медиа и соцсетях.

Накануне запуска журнала Тайвань мог похвастаться несколькими научно-популярными блогами, например, PanSci или Mapstalk, за несколько лет существования успевшими получить несколько миллионов просмотров. Очевидно, что люди, разыскивающие новейшую информацию, сегодня научились пользоваться Интернетом. Соответственно, если социальные ученые хотят оказывать влияние на общественное мнение и социальную политику, они должны научиться участвовать в дебатах в Интернете. Кроме того, у многих не хватает терпения на то, чтобы читать длинные статьи. По словам одного издателя, на данный момент для читателей в Интернете оптимальна короткая статья, которую можно прочитать за три-пять минут. Таким образом, с самого начала авторам издания было рекомендовано писать статьи длиной не более пяти тысяч китайских слов или полутора тысяч английских слов. Объем такой статьи слишком велик для газетной колонки,

>>

но оптимален для записи в блоге, цель которой - пробудить общественный дебат.

Ключевым фактором в успехе журнала стала широкая поддержка, полученная им от Тайваньского социологического сообщества. Японское социологическое общество насчитывает более трех тысяч членов, Корейская социологическая ассоциация - более тысячи. В отличие от своих соседей, Тайвань не может похвастаться обилием социологических кадров: в островном государстве менее трехсот активных социологов. Субкомитеты Корейской социологической ассоциации выпускают учебники на различные темы - например, по исследованиям миграции или социальной теории - с целью популяризации социологического знания. В Японии аналогичным образом выпустили несколько справочников, посвященных важнейшим социологическим вопросам. Очевидно, такие достижения лежат за пределами возможностей миниатюрного социологического сообщества Тайваня. Поэтому краткие комментарии социологов на различные темы, опубликованные на одном сайте или в одном журнале, в данном контексте представляют собой наиболее эффективный канал для распространения социологического знания. Участники небольшого профессионального сообщества, где все близко знакомы, готовы раз в год-два принимать участие в написании новых статей для *Streetcorner Sociology*.

Рост общественного интереса к социальным и политическим вопросам в течение последних лет также способствует популярности блога. Недовольство проблемами, вызванными экономической глобализацией, экспансией Китая и находящимся у власти консервативным правительством вылилось в крупномасштабные студенческие протесты в марте 2014 года. В течение 50 дней оккупаций и демонстраций в блоге появилось более 17 статей, поддерживающих движение, около десяти тысяч посетителей посещали сайт ежедневно (значительный прирост по сравнению с чуть более чем полутора тысячами посещений в предыдущем месяце). Блог превратился в важную площадку обсуждения государственной политики. Даже правительственные чиновники посещают его, чтобы защитить свои решения в глазах общественности.

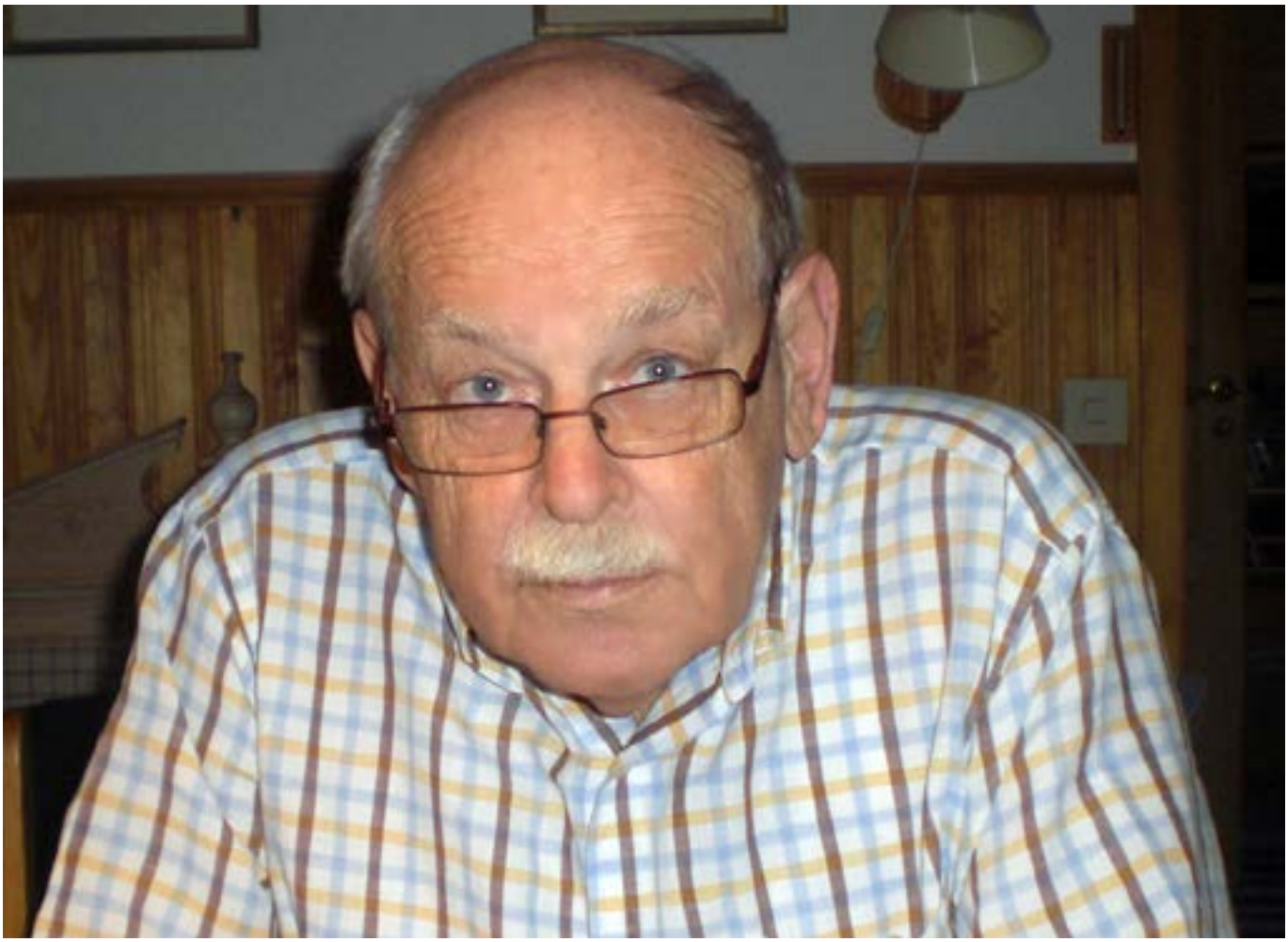
Streetcorner Sociology стал окном в мир новостей для тех, кто заинтересован в тайваньской социологии и хочет быть в курсе социально-политических событий в регионе. По мере того как блог приобретает популярность, все больше и больше школьников посещают его, чтобы понять суть новой дисциплины. Это особенно важно, так как в прошлом социологию нередко путали с социальной работой. Кроме того, другие средства массовой информации на Тайване сообщают о статьях, опубликованных в блоге, давая большую видимость академическому взгляду на социально-политические проблемы. Статьи в блоге становятся предметом репостов разнообразных веб-сайтов в Китае и Гонконге. Наверное, неудивительно, что китайские сайты главным образом перепечатывают статьи на менее политически чувствительные темы (социология искусства, туризм или развитие местных сообществ). Напротив, гонконгские блоги более заинтересованы в политических вопросах, касающихся inter alia государства и детства или посвященных Гонконгу, Тайваню и Китаю.

Большинство научных работ читает меньше десяти человек, и примерно треть текстов из области социальных наук никогда получают отклика. Если наши трудоемкие исследования не привлекают читателей - даже среди наших академических коллег - это невероятно обидно. *Streetcorner Sociology*, напротив, демонстрирует, что коллективная работа может оказывать значительное социальное воздействие, а также то, что социологи могут активно участвовать в общественных делах без ущерба для их научных изысканий. ■

Корреспонденцию присылайте Хун-Цзэн Вану на адрес hongren63@gmail.com>

> Юрген Хартманн, социолог-интернационалист

Людмила Нёрс, соучредитель и директор исследовательского института "Оксфорд XXI", Великобритания, бывший член правления исследовательского комитета МСА по молодежным исследованиям (ИК 34), и **Сильвия Трнка**, бывший член правления ИК34, Австрия[1]



Юрген Хартманн, президент ИК МСА по социологии молодёжи в 1986-1990 гг., виде-президент МСА по финансовым вопросам в 1994-1998, скончался 2 марта 2015 г.

Всегда веселый и дружелюбный, добрый, открытый, гостеприимный, оптимистичный, готовый помочь, отзывчивый, понимающий, активный участник международных исследовательских проектов, талантливый организатор, вдохновляющая личность - таким друзья и коллеги запомнят Юргена Хартманна, безвременно покинувшего нас 2 марта 2015 года.

Юрген родился в немецком городе Ремшайд-Леннеп 18 марта 1944 года. Его отец погиб на войне, и Юргена воспитывала мать. В детстве он целыми днями просиживал в соседнем книжном магазине. Ненасытный юный читатель быстро подружился с владельцем, позволившим ему читать книги бесплатно в задней комнате магазина. Юрген запоем читал все книги, что мог достать: он читал о других странах и культурах, изучал карты и даже расписания поездов. Искра будущих академических устремлений загорелась в нем уже тогда. Проснулось и желание путешествовать по свету. Он научился читать с молниеносной скоростью и

>>

всегда мог найти дорогу, где бы ни был, словно человек-компас! Сын работающей матери, Юрген также рано научился вкусно готовить, умение, которое он совершенствовал на протяжении всей своей жизни.

Юрген получил степень магистра экономики в Кельнском университете в 1969 году. Будучи студентом, он ездил на летние заработки в Стокгольм, а потом выиграл грант на обучение в Уппсальском университете, где и встретил свою жену, шведку Сольвейг. В 1973 году он получил степень доктора философии, защитив диссертацию, посвященную студенческим восстаниям в Швеции. Затем он работал на кафедре социологии Уппсальского университета до 1993 года, выступая с лекциями по всей Швеции. С 1980 по 1982 год он жил в Вене, руководя исследованиями в Европейском центре социального обеспечения, подготовки кадров и научных исследований, аффилиированном с ООН; с 1983 по 1986 год он возглавлял международный проект "Интеграция молодежи в общество", с которого началась его международная карьера.

Первый контакт Юргена с МСА восходит к IX Всемирному конгрессу социологов, состоявшемуся в Уппсале в июле 1978 года. Исполнительный секретарь МСА Изабелла Барлинска, на тот момент студентка, помогавшая в Секретариате Конгресса, вспоминает знакомство с Юргеном у информационной стойки. Тогда Юрген был молодым профессором из Университета Уппсалы и считал, что кому-то может понадобиться его помощь как представителя местного академического сообщества. Безусловно, она понадобилась! Оба были неопытными новичками в структуре МСА, но оба были готовы помогать другим. Они стали друзьями на всю жизнь.

Работа с коллегами из разных частей света имела для Юргена жизненно важное значение. Он присоединился к ИК МСА по социологии молодежи (ИК34), был его казначеем (1982-86) и стал его председателем в 1986 году. Его предшественник, Петар-Эмиль Митев, отмечает, что «во время холодной войны Юрген внес решающий вклад в превращение ИК34 в модель сотрудничества между молодежными исследователями в Западной и Восточной Европе. Молодежные исследователи из стран Восточной Европы всегда могут рассчитывать на его добрую поддержку и истинную преданность общим академическим целям».

«Руководство Комитетом 34 в решающий момент поставило Юргена в идеальную позицию для наблюдения и понимания огромных изменений в положении молодых людей, которые повлекли за собой начавшиеся в Советском Союзе эпоха Гласности и перестройка» - говорит Джон Биннер. Бинер высоко оценивает широту и дальновидность аналитических способностей Юргена и вспоминает ценные комментарии, полученные от него во время их совместной работы над проектом сравнительных исследований "Европейская молодежь и новые технологии" (1987-1990), проводившегося Европейским координационным центром исследований и документации по общественным наукам в Вене. Этот проект ИК34 стал совершенно особенным, поскольку он застал и падение Берлинской стены, и распад Советского Союза. Биннер отзывается о Юргене как об «истинном интернационалисте, приучавшем менее осведомленных ребят вроде меня к необходимости отхода от тупиковой национальной перспективы и движению в направлении понимания относительных различий в культурных представлениях и национальных приоритетах, особенно в Восточной Европе, где гражданский (то есть не военный) и потребительский интерес в сфере ИТ по-прежнему оставался на довольно низком уровне. Молодые люди, среди которых рос спрос на возможности информационных технологий и кросс-национальный доступ к СМИ, таким образом, превратились в основных предвестников изменений. Сегодня невозможно без удивления слышать, что идею Юргена о выдаче свидетельств о компьютерной грамотности со статусом водительских прав тогда в Восточной Европе воспринимали как утопичную. Он одним из первых признал значение трансформаций, произошедших в характере взросления под влиянием новых технологий, и последствий индивидуализации, поляризации и углубления неравенства во все более глобализованном мире. Тем, что эти вопросы на сегодняшний день находятся в эпицентре молодежной политики, мы во многом обязаны именно Юргену".

Как истинный интернационалист, Юрген сумел оказать содействие начавшемуся сотрудничеству с молодыми китайскими исследователями под эгидой ИК34. Не случайно после окончания его председательства два вице-председателя комитета были выходцами из Китая. Он сыграл ключевую роль в ведении дипломатических переговоров по поводу организации в Китае первой конференции ИК34 под названием "Китайская модернизация и молодежь" (Шанхай, 1993 г.).

Юрген прекрасно сходился с людьми и поддерживал эти связи долгие годы. Елена Хельве, координатор Северных молодежных исследований (1998-2004) и председатель ИК34 (2002-2006), считает его пионером северных молодежных исследований. Елена вспоминает «чрезвычайно интересный программный доклад о молодежных движениях в Европе 1960-х и 1970-х годов, прочитанный Юргеном на научной-практической конференции "Молодежь Севера". Юрген активно развивал сотрудничество североведов, занимавшихся молодежными исследованиями. Он был одним из основателей Симпозиума по северным молодежным исследованиям NYRIS и Координационной группы северных молодежных исследований. Даже став известным международным ученым, он остался предан делу северных молодежных исследований, и благодаря его усилиям эта область исследований получила мировую известность. Юрген также состоял в

>>

CYRCE (Сообществе молодежных исследователей Европы), основанном в 1990 году его преемницей, Сибиллой Хюбнер-Функ, и способствовавшем внесению вклада в укрепление института европейских молодежных исследований.

Научная эрудиция Юргена, его опыт преподавания и способность объяснять сложные вопросы доступным языком сделали его крайне востребованным спикером. Было что-то особенное о его стиле презентации: даже когда он говорил с большой аудиторией, слушателям казалось, будто он говорил с каждым из них по отдельности.

После президентства в ИКЗ4, Юрген был избран в Исполнительный комитет МСА: он состоял в Финансовом комитете с 1990 по 1994 г., был Вице-президентом по финансам с 1994 по 1998 г. В этой роли он оказывал содействие организации мировых конгрессов МСА, прошедших в Билефельде (1994), Монреале (1998) и Брисбене (2002).

Помимо молодежных исследований Юрген был страстно увлечен укреплением международного взаимопонимания через прямые контакты и обмен опытом; он считал, что молодежный туризм и туристический обмен играют в этом плане важнейшую роль. Людмила Нёс вспоминает случай, произошедший в октябре 1992 года в Москве, где она организовала международную конференцию “Молодежь и социальные изменения в Европе: интеграция или поляризация”. В первый день конференции директору Института молодежи позвонили из тогдашнего Министерства науки и технологий, вовлеченного в разработку новой молодежной политики в России. Они хотели встретиться с некоторыми западными учеными, присутствовавшими на конференции. Юрген с огромным энтузиазмом воспринял то, что конференция привлекла внимание российского правительства. Мы были в восторге, что нас пригласили в Кремль, где нашу небольшую группу принял Геннадий Бурбулис, на тот момент занимавший пост государственного секретаря Российской Федерации. Считалось, что это второй самый влиятельный политик в России после президента Бориса Ельцина. На встрече основное внимание было уделено тому, как привлечь молодых людей России к процессу демократизации общества. Юрген решил ответить первым, выступив с предложением, прозвучавшим крайне просто и понятно: молодежь России должна получить возможность выезжать за границу и видеть мир. Сначала все думали, что это слишком простое предложение. Далее Юрген продолжил объяснять, что страна должна также измениться и стать привлекательной для молодых людей, которым захотелось бы вернуться. Последовало бурное обсуждение. Юрген испытывал глубокое удовлетворение от того, что его предложение о мобильности молодежи получило такой активный отклик.

Работа Юргена в сфере молодежной мобильности и путешествий сыграла значительную роль в формировании молодежных исследований в этой области. Он систематически анализировал цели путешествий и выделял основные характеристики молодых путешественников. В своих работах он связывал политику Европейского Союза и концепцию «мобильности молодежи» с возникновением европейского сознания и плодотворного сотрудничества в областях экономики, политики и культуры, утверждая, например, что Европейский железнодорожный билет Interrail способствовал получению шведами “европейского” опыта в гораздо большей степени, чем любая институализированная программа обмена, а готовность молодых людей путешествовать коррелирует с их способностью говорить на иностранных языках.

Когда Университет Даларна вступил в партнерство с пятью другими европейскими университетами с целью создания программы по Европейскому туристическому менеджменту (ETM), Юрген воспользовался возможностью превратить свой интерес к туризму в профессию, став директором шведской части магистерской программы (1994- 2008). Он любил преподавать и продолжал читать лекции и после выхода на пенсию.

Юрген был настоящим другом для многих и большим коллегой всех членов ИКЗ4. Нам будет не хватать его командного духа, веселой улыбки, крепких объятий, сердечного смеха, пытливого ума, мудрых советов и теплой поддержки. Мы будем пополнять богатое наследие, что он оставил нам, и так он продолжит жить в нашей работе и воспоминаниях. ■

Корреспонденцию присылайте Сильвии Трнке на адрес sylvia.trnka@aon.at и Людмиле Нёрс на адрес lyudmilanurse@oxford-xxi.org

[1] Мы благодарим Изабелу Барлинску, Джона Биннера, Хелену Хеклве и Петара-Эмиля Митева за участие в написании этой статьи.